

Конфедерат. Рождение нации

Автор:

Влад Поляков

Конфедерат. Рождение нации

Влад Поляков

Конфедерат #3Попаданец (АСТ)

Конфедерацией одержаны важные победы, и государство янки трещит по швам. Вот только далеко не всех влиятельных игроков устраивает подобный исход. Особенно хитрецов родом с «туманного Альбиона», знающих, какой ложкой следует мешать адское варево интриг. Почему? Хотя бы по той причине, что терпящим поражение легко навязать кабальные условия в обмен на политическую и финансовую поддержку, да и окоротить набирающую силу Конфедерацию тоже есть желание. Вот и приходится Виктору Станичу менять положение военачальника и «серого кардинала» на официальное. Да и нерешительные лидеры Конфедерации начинают становиться тормозом на пути запланированного...

Влад Поляков

Конфедерат. Рождение нации

Из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков.

Николо Макиавелли

Пролог

США, Вашингтон, май 1862 года

Итоги сражения при Геттисберге произвели в Вашингтоне эффект разорвавшейся бомбы. И это было заметно везде: на улицах, в богатых домах, в Капитолии и даже в Белом доме. Страх! Именно он незримой вуалью накрыл город и не собирался развеиваться без веской на то причины.

Янки определённо было чего бояться! Полный разгром армии Мак-Клеллана при Геттисберге вызвал у вашингтонцев чувства, сравнимые с теми, что обуревали их после поражения при Булл-Ране. Но теперь всё обстояло куда хуже. Хотя бы потому, что Булл-Ран был в самом начале войны, первым по-настоящему крупным сражением, в котором возможно всякое. Сразу вспоминалась и неспособность командования конфедератов грамотно воспользоваться плодами той победы, она тоже переломила упаднические настроения в готовность продолжать войну. Зато в настоящее время...

Теперь разгром при Геттисберге при всём на то желании нельзя было выдать за случай, за единичную неудачу. С треском проигранное янкесами сражение оказалось лишь жирной чертой под теми проблемами, которые обрушились на США гораздо раньше. Потеря Калифорнии, восстание мормонов, и выход их из состава США с образованием собственного и уже признанного Конфедерацией государства Дезерет. Остановленная на полпути армия генерала Гранта опять же. И, в завершение всего, этот самый Геттисберг, где, подгоняемый приказами из Белого дома, командующий Потомакской армией Мак-Клеллан попытался остановить и, пользуясь превосходством в численности, разгромить Потомакскую же армию генерала Борегара. Известного полководца, одержавшего победу при Булл-Ране, но которому не дали её воспользоваться.

Результат? Более двадцати тысяч убитых, свыше десяти тысяч в плену. От более чем пятидесятитысячной армии остались ошмётки, к тому же в большинстве своём лишившиеся боевого духа. Эти остатки армии только и могли отступить ближе к столице и начать оборудовать позиции в надежде, что им удастся остановить наступление конфедератов на Вашингтон. А правительство и лично президент Линкольн готовились в любой момент сняться с насиженных мест и

переместиться в Филадельфию. Почему туда? Не столь наглядно, как Нью-Йорк, где под боком пароходы, в том числе и довольно скоростные. Некоторые из власть имущих обладали очень хорошо развитым инстинктом самосохранения, а значит, чувствовали, когда начинает пахнуть палёным и пора собирать манатки.

Определённые надежды у тамошнего истеблишмента оставались лишь на идущие на помощь части армии генерала Гранта, показавшего себя умелым военачальником, не чета Мак-Дауэллу, Мак-Клеллану и прочим. Но надежды – это одно, а реальность порой оборачивается чем-то совершенно иным.

Борегар не двинулся на Вашингтон, к которому стягивали все резервы и вообще части, не жизненно необходимые на других территориях страны. Он, отправив часть своей армии обратно – с ранеными, пленными и трофеями – рванул к Гаррисбергу, этому важнейшему железнодорожному узлу. Добравшись же туда, устроил абсолютный хаос, уничтожая всё, связанное с железнодорожными путями и просто с промышленностью. Знающие люди не сомневались, столь серьёзное разрушение железнодорожного сообщения сделает доставку важных грузов с востока на запад более медленной, что в условиях ведущейся изнурительной войны являлось тяжёлым ударом... очередным из них.

Уничтожив всё, до чего дотянулись руки, и на что хватило имеющейся взрывчатки, части Борегара отступили, причём избегая каких-либо попыток продолжить активные действия. Казалось, что наступление не входило в его планы.

Так и оказалось. В наступление перешла не Потомакская армия Борегара, а Теннесийская Джексона. Помилуй бог, чего ей было не перейти, если большая часть армии Гранта снялась с позиций и двинулась на выручку столице? Теперь всем было понятно, что в самом скором времени под контроль Конфедерации перейдет не только отбитая было Грантом территория Кентукки, но и та часть штата, которая ранее поддержала федеральное правительство.

Стоило ли удивляться тому, что многие из власть имущих и финансовых воротил – особенно причастных к поддержке как собственно Линкольна, так и аболиционистских движений – всерьез задумались о скорейшей продаже имущества и эмиграции куда-нибудь в Европу. Явный признак неверия самой верхушки США в то, что удастся выиграть ту войну. А неверие верхушки и её действия никогда не оставались незамеченными теми, кто находится на более низких ступенях иерархии. Вот-вот могла начаться всеобщая паника, способная

поставить жирный крест на самих США.

Вот в такой тревожной и грозящей окончательно выйти из-под контроля обстановке президент Авраам Линкольн принимал посла Великобритании, виконта Ричарда Бикертон Лайонса. Причём встреча состоялась по инициативе посла, настаивавшего на скорейшем её проведении.

Это было не совсем ожидаемо, но в то же время настраивало Линкольна на оптимистичный лад. Хотя бы потому, что виконт Лайонс был убеждённым сторонником того курса, который проводился нынешним президентом США. Отношение же британского посла к Конфедерации было явное, не скрываемое и весьма нелюбезное для последней. Чего стоили эпитеты вроде «источник заразы для всего цивилизованного мира»! Лучшего посла от столь могущественной империи Линкольн и пожелать не мог. И вот теперь этот самый разговор. Разговор без присутствия посторонних лиц, в закрытом кабинете, что несомненно подразумевало его повышенную секретность.

Виконт стоял у камина, глядя на языки пламени, лижущие аккуратно нарубленные поленья, и изредка прикладывался к бокалу с хересом. Ну, а президент, выглядевший совсем усталым и измотанным от груза свалившихся на него проблем, сидел в кресле, смотря то на посла, то в окно, за которым накрапывал мелкий, противный дождь. Смотрел и ждал, когда же виконт Лайонс перейдёт от общих фраз о погоде, последних светских сплетен из Лондона и прочей чепухи к тому делу, ради которого тут появился. Шутка была в том, что посланник королевы Виктории не спешил, явно доводя его, Линкольна, до нужной кондиции. Обычное поведение дипломата, который заранее ставит себя в выигрышное положение перед собеседником, напоминая о необходимости встречи первым делом не для себя, для иной стороны. Что ж, сейчас Лайонс имел на это право, ведь не его страна явственно проигрывала в разгоревшемся пламени гражданской войны.

– Я вижу, что новости о семье лорда Пальмерстона вам сейчас не особенно интересны, господин президент, – тень ироничной улыбки на мгновение появилась и тут же исчезла с лица виконта. – Ваше право. Тогда оставим прелюдию и перейдём к тому, ради чего я попросил вас о встрече. Вы готовы к этому?

– Конечно.

– Это хорошо, – покинув, наконец, место около камина, посол подошёл к массивному, украшенному резьбой креслу из красного дерева, в котором и устроился, не забыв поставить на столик рядом как бокал с хересом, так и бутылку с этим же напитком. – Вы проигрываете войну Конфедерации, это очевидно.

– Граждане Соединённых штатов готовы, не щадя своих жизней, бороться с теми...

– Оставьте эту патетику, господин президент, – доброжелательные интонации в голосе Лайонса не обманывали Линкольна. По существу посланник королевы Виктории вёл себя как хозяин положения, без тени смущения перебивая его, президента немаленькой и обладающей значительным влиянием страны. И имел на то все основания. – Вы потеряли главный источник золота – Калифорнию. Немалая часть серебряных рудников – у отколовшихся от вас мормонов. Фабрики лишены дешёвого сырья из южных штатов, о хлопке и я вовсе молчу. Деньги в казне пока есть, но поддерживающие вас банкиры после недавних событий уже начинают переводить свои капиталы в Европу. А также, вместе с промышленниками, ищут покупателей на своё имущество в этой стране. Это факты, от которых нельзя отмахнуться. Не президенту!

Линкольн это понимал, просто хотел попытаться гражданским пафосом немного выровнять позиции. Не получилось. Он не был удивлён, потому как хорошо знал британского посланника. Умный, расчётливый, способный видеть возможности и использовать их к выгоде своей и империи. А значит, и прозвучавшие горькие, хоть и правдивые слова были не банальной попыткой сотрясти воздух громкими фразами.

– Вы правы, мистер Лайонс. Мы находимся в очень тяжёлом положении. Но это не значит, что я... что мы готовы сдаться на милость этого Дэвиса!

– Этого я бы не осмелился предложить, – вымолвил англичанин. – Я предлагаю другое: возможность не выиграть войну – это сейчас вряд ли возможно, – но сохранить имеющееся сейчас, а уже потом вернуть и потерянное. Не сразу, спустя годы, но вернуть. Иначе Борегар восстановит численность ослабленной после Геттисберга армии, Джексон двинет теннесийцев из Кентукки в Западную Виргинию, и спустя пару месяцев эти армии нанесут удар с двух направлений, имеющий одну конечную цель – вашу столицу. Основы стратегии, а Борегара нельзя упрекнуть в неграмотности.

В нескольких фразах обрисованная печальная перспектива заставила Линкольна содрогнуться. Уже потому, что была абсолютно реальной. И противопоставить этой надвигающейся реальности было просто нечего. Он только и мог, что спросить посла, словно провинившийся ученик строгого учителя:

- Вы же не просто так это сказали, Лайонс? Что вы предлагаете США от имени королевы Виктории?

- Не будем пока упоминать её имя. Пусть сейчас наш с вами разговор будет... просто беседой двух умных людей. Договор по результатам - это уже иное. И только от вас зависит, каким он будет и будет ли.

- Мне остаётся лишь слушать.

Опытный дипломат, виконт Ричард Лайонс не позволил даже тени испытываемых им эмоций отразиться на лице. Подобное было бы чрезвычайно неуместным, особенно сейчас, когда президент страны, ранее бывшей колонией Британской империи, по сути готов был сделать первый шаг к тому, чтобы преклонить колени перед бывшей метрополией. Не зря же от его «остаётся лишь слушать» веяло «остаётся лишь слушаться». Дипломату, умудрённому сложными переговорами, не привыкать улавливать тончайшие нюансы.

- Вы должны понимать, господин президент, что Великобритания не выступит открыто на стороне США.

- По каким причинам? Общественное мнение сложилось не в нашу пользу?

- Мнениями этого... общества довольно легко управлять, для того придумали большое количество способов. Не работает один, задействуются прочие. О нет, тут иное. Едва моя королева отдаст приказ хотя бы одной эскадре отправиться на помощь вам, как Россия тут же вышлет свои эскадры на помощь Конфедерации. Не из любви к южанам, а просто чтобы не дать усилиться нам. Испания тоже не останется в стороне, потому что Конфедерация пообещала им содействие в возвращении части бывших колоний. Успехи в Мексике убедили королеву Изабеллу в том, что это не просто слова. Опираясь же на Кубу и несколько мексиканских портов, Испания действительно сможет начать восстанавливать свою власть над бывшими колониями. Это давняя мечта их

аристократии, которая теперь имеет шансы на осуществление.

Говоря это, Лайонс с трудом удерживался от недовольной мины. Ещё бы, ведь авантюра в Мексике, рассчитанная более на получение финансовой выгоды и ещё кое-какие политические дивиденды, переросла в нечто большее. Дело пахло уже не сменой власти в этой нищей стране с недомерка Хуареса на марионеточного монарха, который должен был стать подконтролен в равной степени Англии, Франции и Испании, а чем-то гораздо более масштабным. Попытка возрождения Испанской империи – это серьёзно. И подобное для его родины было крайне нежелательным вариантом.

Меж тем Линкольн, с ходу осознавший, что лёгкий путь получения помощи от Великобритании неосуществим, произнес:

– Если не военная помощь, тогда что?

– Политическая поддержка. Наша непременно. Очень возможно, что и со стороны Франции. Наполеон III, если его правильно попросить, не откажет моей королеве. Неограниченные поставки нужных для войны товаров, «добровольцы», которые легко окажутся в вашей стране со стороны нашей Канады. Наши доброжелатели в Конфедерации, имеющие влияние на окружение президента Дэвиса. И главное – наши советы.

– Англия ничего не даёт просто так. Чего королева Виктория попросит у США взамен?

Виконт Лайонс если и промедлил с ответом, то не более нескольких секунд. И это значило лишь одно – к разговору он хорошо подготовился, предусмотрев разные его пути.

– Для начала вы должны не только не мешать, но и поспособствовать нашим финансистам в приобретении того, что готовы продать уже ваши соотечественники, господин президент. Также нас интересуют пакеты акций железных дорог, особенно планируемой вами трансконтинентальной. Порты тоже вызывают желание участия со стороны нашего капитала.

– Это может не понравиться тем, кто... – Линкольн сделал многозначительную паузу, предоставляя собеседнику возможность самому её закончить. И тот

оправдал ожидания:

– После показательной казни Джеррита Смита, одного из их довольно тесного круга, люди, с чьей помощью вы стали президентом этой страны, напуганы. Они готовы поделиться в обмен на обещание безопасности и возможность продолжать усиливать своё влияние... в других местах. Земной шар велик, места пока ещё хватает.

Договорились. В смысле Британская империя и те персоны, которые стояли за ним, за Линкольном. Президент это понял разом, в одно мгновение. Следовательно, не стоило ему пытаться плыть поперёк бурного течения, подвергая себя огромному риску утонуть. Что до смены покровителей... Лучше уж так, чем проигрыш в войне и потеря всего, к чему стремился.

– В целом я согласен. Но нужно обговорить целый ряд условий.

– Обязательно. Ваши люди и мои составят устраивающий обе стороны – США и Великобританию – договор. Общую часть и ту, которая не будет доступна никому, кроме узкого круга доверенных лиц. Желаете ли вы выслушать первые рекомендации от её величества королевы Виктории, которые помогут вам не проиграть эту войну, господин президент?

Линкольн желал. Очень даже желал, будучи готовым ухватиться за любую соломинку, не то что за руку, протянутую могучей империей. Это он и выразил со всей возможной вежливостью, но не скатываясь в подобострастие. В ответ без малейшего промедления получил от посла Великобритании весьма неожиданный совет:

– Нужно искать у противника слабости, а найдя, наносить по ним удары, – начал издали виконт Лайонс. – Британия всегда поступала именно так, и очень редко, когда подобный подход не приносил ожидаемых результатов. Не недооценивайте силу печатного слова, господин президент!

– Откройте газеты, виконт, – с печальным выражением на лице Линкольн сделал неопределённый жест, словно отмахиваясь от неизбежного. – Почти все статьи наполнены праведной ненавистью к Конфедерации и её президенту. Это длится с самого начала сецессии и поддерживает, по возможности, боевой дух. Но сейчас влияние прессы упало, умеющие думать видят, что мы проигрываем

войну. Какой смысл отрицать это теперь, когда мы пришли к соглашению?

– Ваши газеты «залпируют» по тому месту, которое давно покинуто противником, уж простите за метафору, – чисто английская улыбка появилась на лице посла королевы. – Дэвис с недавних пор – это халиф на час, если вам знакомо это выражение.

– Знакомо. Только я не понимаю смысла сказанного. Дэвис – законно избранный президент. Известны и те силы, которые его поддерживают.

– Их время ушло, – сверкнул глазами Лайонс, на мгновение сняв маску дипломата, но тут же вернул её на законное место. – Война расставила всё по своим местам, вперёд выдвинулись не выбранные фигуры, а игроки, решившие использовать право железа и крови. Что им ваши выборы? Что им до мнимой неприкосновенности тех, кого не принято трогать в любой войне? Не думаете же вы, что это по приказу Дэвиса казнили Джеррита Смита и дерзкими ограблениями банков показали банкирам всю уязвимость власти денег!

– Ходили разные слухи.

– И цена им не больше потёртого шиллинга, – отмахнулся виконт. – Потомакская армия подчиняется исключительно генералу Борегару, но никак не президенту. Генерал Джексон верен ему же, а его теннесийцы готовы молиться на своего отважного генерала. Завоёванная полковником Станичем Калифорния вообще свободна от влияния кого-либо со стороны.

– Это имя мне хорошо знакомо. Он доставил множество неприятностей ещё с Чальстонской гавани.

Ричард Лайонс только и мог, что вздохнуть, глядя на сидящего перед ним президента США. А ещё подумать, что эти оторвавшиеся от метрополии провинциалы так и не смогли научиться разбираться в по-настоящему высокоуровневых политических интригах. Куда им! Только вслух он этого говорить не собирался, предпочитая медленно, шаг за шагом раскрывать перед Авраамом Линкольном подоплёку произошедшего.

– Это один из трёх, кто в самом скором времени выкинет Дэвиса на обочину истории. Пьер Гюстав Тутан де Борегар – армия. Френсис Пикенс, губернатор

Южной Каролины – дипломатия и связи с хлопковой аристократией. Виктор Станич – оружейный магнат и... создатель тайной полиции, которая уже выкорчевала почти всех ваших шпионов. А вот наши ещё работают, на них он со своим верным оруженосцем, подполковником Джоном Смитом, накинуться то ли не успел, то ли не решился.

– Переворот? Во время идущей войны?

– И когда это кому мешало, господин президент? Если у тебя и союзников в руках большая и лучшая часть армии, тайная полиция и немалые деньги, то есть ли какие-то препятствия для взятия власти в свои руки?

– Воля народа... Демократия...

– Вы, американцы, носитесь с ней как с древней китайской вазой. А я вам говорю про ближайшую перспективу. Скоро будет выдвинут со своего поста нынешний военный министр в правительстве Дэвиса – Джуда Бенджамин. И это станет началом отстранения Дэвиса от власти. Поймите, генерал Пьер Гюстав Тутан де Борегар во главе Конфедерации – это приговор для США, господин президент. Вы это понимаете?

Линкольн только и мог, что кивнуть, соглашаясь со словами посланника королевы Виктории. Вздохнуть тяжело, налить себе полный стакан выдержанного виски и выцедить его, ничем не закусывая. И, после некоторых колебаний, отказаться от желания налить второй стакан... хотя бы неполный.

– Может, вы предупредите Дэвиса об угрозе?

– Это лишь ускорит события, – с ходу отмел предложение Лайонс. – Мы постараемся... избавить вас от двух главных проблем. Вы же, в свою очередь, должны будете пойти на решение, которое порадует часть ваших сторонников, но оттолкнёт других, не столь близких к аболиционистам.

– И это?..

– Прокламация об освобождении всех рабов на территории Соединённых Штатов Америки, включая те, которые объявили о сецессии. Без компенсаций

владельцам, с объявлением о наделении их равными правами с белыми, включая избирательное.

Пустой стакан, который Линкольн вертел в руке, выскользнул и упал на ковёр. Глаза президента заметно округлились от изумления, достигнув отведённых природой размеров и даже попытавшись превысить возможное.

– Это... приговор. Мне тоже. Нью-Йорк, тот может и вовсе восстать!

– Вы умеете убеждать народ, потому и стали президентом, – Лайонс привычно сплетал слова во фразы, словно паутиной обволакивая ими собеседника. – Скажите им, что это вынужденная мера, что необходимо использовать всё возможное оружие против коварных южан-рабовладельцев, которые со дня на день войдут в Вашингтон, чтобы грабить и убивать. Чем более откровенна ложь, тем быстрее в неё поверят. Тем более если в ней есть доля правды. Войска конфедератов действительно могут в скором времени оказаться тут.

– Знамя либерализма... – невесело усмехнулся Линкольн. – Да, некоторые нас поддержат. Но что помешает Борегару поднять иное знамя, консервативное?

– Некому будет поднимать, господин президент. Я ведь сказал, что будут использованы наши шпионы и просто доброжелатели. Исчезнут Борегар и этот бешеный Станич – исчезнет и угроза. Дэвис – с ним вы договоритесь. Особенно когда там, на Юге, взбунтуются рабы, до которых доведут содержание вашей прокламации. Почти все священники из квакеров и баптистов, проповедующих неграм, симпатизируют идеям аболиционизма. И поднявшиеся беспорядки должны вынудить президента Дэвиса умерить аппетиты.

– Мир? Но на каких условиях? Я не хочу, чтобы меня вынесли отсюда на шесте, обваляв в смоле и перьях!

Линкольн спросил это у посла довольно скептически, понимая, что после прокламации о наделении негров гражданскими правами ему и так будет тяжело, а если ещё и мирный договор окажется не из лучших...

– Британия заинтересована в вас, господин президент. На длительное время заинтересована!

Виконт Ричард Лайонс не кривил душой. Империи действительно нужен был такой человек во главе США. В меру умный, талантливый оратор, готовый идти на компромиссы ради сохранения собственной власти. К тому же, однажды склонившись перед бывшей метрополией, такой человек сделает это и во второй раз, и в третий, с каждым разом всё меньше терзаясь по этому поводу.

Конфедерация. Даже если покушение на Борегара и Станича не увенчается успехом, её лидеров можно убедить остановиться. Вопрос лишь в том, на каких условиях получится это сделать. Британия всегда должна быть в выигрыше, независимо от вида карточной партии на большой доске и того, кто именно ей противостоит. Здесь виконт был абсолютно уверен, не допуская и тени сомнений по сему поводу.

Глава 1

КША, штат Виргиния, Ричмонд,

июль 1862 года

Безумная круговерть больших и малых дел. Именно этими словами можно описать месяц с хвостиком, прошедший с момента неудачного покушения на меня и Борегара. Или Борегара и меня, что не шибко важно, ведь от порядка слов суть не изменится. Всё это время что он, что я находились в Ричмонде, понимая, что нельзя выпускать из рук множество нитей, при помощи которых реально было держать ситуацию под контролем.

Контроль! Он сейчас был самым важным, просто жизненно необходимым. Мы буквально разрывались на части, стремясь не просто реагировать на происходящее, но и играть на опережение. Получалось? Как ни странно, в большинстве случаев ответ был положительным. Война по сути вот-вот должна была перейти в завершающую фазу. Теннесийская армия Джексона и часть Потомакской деловито выдавливали малые числом и скромные боевым духом подразделения янки из Западной Виргинии, предварительно проделав то же самое с Восточным Кентукки.

Почему не было более активного сопротивления со стороны северян? Ответ прост. Самые боеспособные части под командованием генералов Гранта и Шермана концентрировались в Мэриленде и частично в Пенсильвании, им явно была поставлена задача закрепиться на подготовленных рубежах и ни в коем случае не допустить прорыва армий Конфедерации в «старые штаты». Как ни крути, а именно они были главным и надёжным оплотом аболиционистов. Вдобавок им по любому требовалось прикрывать границу с мормонским Дезеретом и держать определённое количество войск в Орегоне, чтобы Нейтан Эванс и Уэйд Хэмптон Третий не вторглись из Калифорнии ещё и в Орегон. Янки ожидали ударов со всех сторон и делали чуть ли не самое худшее, что могли – переходили к жёсткой, пассивной обороне. Возражать против этого никто из умных людей не собирался, нам это было только на руку. Особенно учитывая тот факт, что мы даже не думали вторгаться в «старые штаты», понимая всю бесперспективность подобного.

Я не оговорился, именно бесперспективность! Сами подумайте, зачем нам гипотетическая возможность оказаться там, где нас очень сильно не любят, когда и без того есть проблемы, требующие решения? Конфедерация вовсе не ставила перед собой задачу поглотить США. Кусок был бы слишком жёстким, чересчур ядовитым. Вот пообкусать с краёв, изъять наиболее важные, ключевые территории – это совсем другое дело. Собственно, мы это уже сделали, прибрав Калифорнию, Миссури с Кентукки, изначально не поддерживавшую сецессию западную часть Виргинии. Это был почти предел, дальше которого идти точно не стоило.

Вместе с тем требовалось поставить жирную точку в этой войне. Яркую, впечатляющую, чтобы ни у кого из вашингтонских бонз даже сомнения не было в том, что надо заключать мир, но не на своих, а на наших условиях. А для его заключения требовалось... Много чего требовалось, но одной из важных составляющих являлось наличие посредников. Зачем эта головная боль Конфедерации? Требовалось укрепиться в мировой политике, только и всего. Ради этого стоило немного потерпеть и, возможно, пожертвовать малой толикой полученного в результате успешных военных действий. И если ожидалась уступка, то следовало позаботиться о том, чтобы было что уступить из откровенно лишнего. Отдавать стоит то, что самому на фиг не требуется!

Радовало меня то, что госсекретарь Роберт Тумбс, после нашего плодотворного с ним сотрудничества, охотно шёл на контакт, не отмахиваясь от предлагаемых ему идей. В том числе и от желания Борегара лично провести предварительные

переговоры с послами таких держав, как Испания и Россия. Дескать, сначала такого вот рода неофициальные визиты, а потом уже в дело вступят дипломаты с ним во главе.

Нравились ли подобные инициативы президенту Дэвису? Конечно же... нет. Ему в последнее время вообще всё не нравилось, вот только сделать он уже мало что мог. Чего стоила хотя бы недавняя позорная, показательная отставка с должности военного министра его протеже – Джуды Бенджамина, и назначение... Нет, не назначение, а возврат в это кресло Лероя Уокера, сияющего, как начищенная корабельная медяшка.

Почему Дэвис это допустил? Он просто получил ультиматум от части генералитета с Борегаром во главе. И эта самая часть руководила наиболее боеспособными подразделениями, поддерживалась частью губернаторов и просто южной аристократии. Всем им осточертела откровенная слабость и неприспособленность президентского ставленника на совершенно неподходящем для него посту. А назначение кого-то нового... Ставить на тёмную лошадку никто не хотел, находить устраивающую всех кандидатуру тоже. Лерой Уокер, в противовес иным кандидатурам, был уже знакомой персоной, к тому же показавшей себя с лучшей стороны. Претензии части губернаторов по поводу излишней централизации власти? Так эти самые губернаторы не относились к числу поддерживаемых возглавляемым Борегаром высшим офицерством.

И совсем печальным событием для Дэвиса стала пусть осторожная, с оговорками, но поддержка партии Борегара стариной Ли. Тем самым Ли, на лояльность которого Дэвис так много поставил. Причины подобного афронта? Пусть Ли был во многих вопросах чересчур мягок, но он не мог не видеть, что именно наглые, на грани авантюризма действия Потомакской армии переломили ход войны в пользу Конфедерации. И это на фоне того, как назначенцы Дэвиса прогадали всё, к чему только смогли прикоснуться. У патриота Конфедерации, которым Ли являлся, просто не было иного выбора, кроме как поддержать ту силу, которая могла привести страну к победе. Невзирая на то что он во многом был не согласен с методами, которыми достигался конечный результат.

Власть, де-юре находящаяся в руках Джефферсона Дэвиса, ускользала у него из рук. Сначала этот процесс был почти незаметен, но после Калифорнии, истории с мормонским Дезеретом, Геттисберга наконец – всё стало очевидно. Не для простых людей, конечно, а для тех, кто был причастен к высокой политике. Дэвис понимал ситуацию, но что он мог сделать?

Ополчиться на Борегара, Джексона, меня и иных, чьи имена были чуть менее известны? Его бы разорвали в клочья собственные сторонники, наглухо отрицая возможность доставления неприятностей тем, кто был в нескольких шагах от того, чтобы выиграть войну. Другим и куда более опасным фактором являлось присутствие в Ричмонде и в окрестностях частей Потомакской армии, включая большую часть «Дикой стаи». Соседство таких частей тоже не способствовало агрессивным помыслам президента.

Сидеть на попе ровно и ждать, куда кривая вывезет? Так понятно куда – на обочину истории. Многие пробовали предоставить событиям возможность идти своим чередом в надежде, что всё рассосётся. Вот и рассасывалось всё, включая власть, а порой и голову. Дэвис понимал, что нынче не та ситуация, что его безопасности как таковой угрозы нет, с нашей стороны точно. Зато сидеть и тупо ждать закономерного финала ему явно не хотелось.

Оставалось лишь зондировать обстановку на предмет договорённостей, приемлемых не только для нас, но и для него самого. И, что особенно интересно, поводом для этого было выбрано неудачное покушение. Выражение обеспокоенности и обещание предоставить все ресурсы Борегару и мне. Соболезнования по поводу смерти друга лично мне. Статьи за подписью Дэвиса, призывающие «немедленно найти и покарать», в печати. В общем, это были явные сигналы к тому, чтобы начать договариваться. Станным было бы это не использовать к нашей выгоде, возможно обоюдной.

Мы и использовали, задействовав губернатора Пикенса как наиболее опытного в протокольных делах. Положение переговорщика в губернаторском статусе позволяло президенту Дэвису сохранять лицо. Ведь не было ничего сверхординарного в том, что один из губернаторов зачастил в президентскую резиденцию. Дело-то житейское по большому счёту. А уж какие темы поднимались во время разговоров – тут извините, посторонним знать не полагается. Темы, к слову сказать, были очень интересные. Дэвис понимал, что его репутация президента из-за последних неудач оказалась изрядно подмоченной, потому планировал просто относительно спокойно досидеть свой срок и остаться в истории как первый президент Конфедерации. Разве что питал определённые надежды насчёт того, что на предстоящих – как он думал – выборах сумеет протащить своего ставленника. Понимал, что у того же Борегара шансы куда как выше, но надежда – штука такая, порой совершенно иррациональная.

Пикенс же выполнял поставленную перед ним задачу, общими фразами и туманными обещаниями поддерживая в нынешнем президенте иллюзию, что всё будет происходить именно так и никак иначе. Ни слова лжи, но и правда преподносилась очень ограниченными дозами, да к тому же многослойно. Нужно было усыпить бдительность нынешнего президента, не дать догадаться раньше времени, что угрожает не ему лично – Дэвису-то как раз грозило лишь увековечивание в истории и долгая приятная жизнь, – а самой системе власти нынешней Конфедерации.

Исходя из готовящейся кардинальной перестройки, нам нужны были личные связи с монархами наиболее значимых и вместе с тем нормально настроенных к Конфедерации стран. Первым делом Испании и России. А выйти на собственно монархов реально лишь через их послов в КША. Послы, кстати, были присланы не абы какие, а действительно значимые, тем самым подтверждалась значимость нового государства в международной политике.

Императора Александра II представлял настоящий боевой генерал, Эрнест Густавович Штакельберг, многократно отличившийся в сражениях с кавказскими горцами. Человеком он был довольно прямолинейным, но вместе с тем умеющим разбираться в хитросплетениях дипломатических интриг. Понятное назначение в воюющую страну, чего уж там. Лично меня, равно как и Борегара, оно более чем радовало. Послу, разбирающемуся в военном деле, легко понять общую ситуацию и здраво её оценить. Ну, а убеждённому монархисту понятны будут некоторые намеки, которые должны прозвучать.

Испанская королева Изабелла выбрала в качестве своего представителя в Конфедерации родовитейшего гранда, Мариано Франсиско де Борха Хосе Хусто Тельес-Хирон и Бофор-Спонтина, герцога Осуна и Инфантадо. Обычное такое полное имечко для Испании, хотя в обычной обстановке сокращалось просто до Мариано Терьес-Хирон, герцог Осуна. Тоже, скажем так, человек, не чуждый сражениям. Карлистские войны, куда ж в Испании без них! Правда, от армейских дел он давно отошёл, сначала просто так проматывал огромное состояние, а с пятьдесят шестого и до недавнего времени делал это в России, куда был назначен послом. И уже оттуда его, выдернув как репку с огорода, переместили сюда. Видимо, таким образом королева Изабелла решила умерить его совсем уж неумеренное мотовство. Тут, в Ричмонде, особенно не размахнёшься, хотя герцог Осуна всё равно старался от всей души, устраивая один приём за другим, поддерживая привычный для себя образ жизни и уровень трат. Получалось с переменным успехом, но он верил в лучшее.

Был ли герцог Осуна пригоден для занимаемой должности? Как ни странно, да. Привыкшие видеть в нём исключительно транжиру и гедониста рисковали серьёзно разочароваться. И, само собой разумеется, подкупить подобного богача было нереально, что было немаловажным фактором в назначении герцога послом сначала в Россию, а теперь и сюда, в Конфедерацию.

Именно ему мы с Борегаром и собирались нанести очередной, очень важный визит. Важный хотя бы потому, что прежние были не более чем прощупыванием позиций.

* * *

Роскошь. Много роскоши. Именно это можно было сказать про особняк, который был куплен представителями герцога Осуна незадолго до того, как он прибыл сюда с верительными грамотами посла королевы Изабеллы. Прибыл на корабле, почти полностью заполненном теми самыми предметами роскоши, большей частью ещё и антикварными. Ими в кратчайшие сроки и заполнили купленный особняк. И именно там стали проводиться самые шикарные приёмы исключительно для узкого круга приглашённых.

Был ли я там? Конечно. Впечатлился ли увиденными диковинками, шедеврами живописи, антиквариатом? В меру, потому как излишняя пышность и помпезность не были особенно близки. А вот Борегару это было куда более симпатично. На вкус и цвет... все фломастеры разные, чего уж там. Нравится человеку стиль подобного рода – никаких вопросов, его в эти времена многие сильные мира сего предпочитали.

Сам посол Испании, Мариано Терьес-Хирон, встретил нас с показным радушием, с ходу предложил угоститься любым сортом вина из его обширных погребов, равно как и сигарами на любой вкус. Первое больше интересовало Борегара, ну а я предпочитал второе. Грешен, люблю хороший – но именно что хороший – табак. Тут главное не увлекаться, а в меру он вполне полезен как для расслабления, так и для стимуляции работы мозга.

Герцог Осуна любил поговорить о родной своей Испании, расписывая её красоты. Увы и ах, но это было необходимой прелюдией, если хотелось говорить с ним в максимально благожелательном состоянии. От этих речей он воздерживался лишь перед другими послами и главами государств. Мы же хоть

и воспринимались им как весьма достойные его внимания гости, но до послов или правителей как-то не дотягивали.

Впрочем, плевать. Послушать о его солнечной и своеобразной родине было невеликим трудом, особенно если учитывать, что рассказывал он хорошо, красочно, да и в истории разбирался дай боги каждому. Недаром библиотека герцогов Осуна и Инфантадо считалась одной из лучших в мире. Вполне заслуженно считалась, некоторые экземпляры были и вовсе уникальными. Будет время и возможность – непременно попрошу разрешения сделать репринт с некоторых рукописных ещё творений. Которые там встречаются. И не рукописных также.

А потом разговор плавно переместился к цели нашего сегодняшнего визита. Если отбросить вежливость и словесные кружева, то Мариано Терьес-Хирон изволил любопытствовать, на предмет какого чёрта благородных донов принесло к нему, и что он будет с этого иметь не столько даже для себя, по причине богатства и пресыщенности, сколько для Испании. Хорошо, что этот ответ у нас имелся.

– Война скоро закончится, – посмотрев на Борегара и увидев едва заметный кивок, предлагающий именно мне начинать этот разговор, произнёс я. – Может, не в ближайшие месяцы, но в пределах года точно. Соединённые Штаты Америки потеряли слишком много важных для них территорий и солдат, да и боевой дух с недавних пор совсем уж не на высоте.

– Однако прокламация Линкольна об освобождении рабов на всех территориях наделала много шума. И тут, и в Европе.

– Много шума... из ничего. Именно так, если мне не изменяет память, говаривал великий английский драматург и поэт Вильям Шекспир, – улыбнулся я, вставая из кресла и делая несколько шагов к стене, где висела картина Гойи, изображавшая одного из предков нынешнего герцога в окружении семьи. – Гойя. Великий художник был. Особенно запоминаются его «Капричос». Пожалуй, именно они лучше всего способны охарактеризовать метания президента Линкольна.

Говоря это, я не мог не вспоминать довольно досадные беспорядки, которые просто не могли не начаться в Конфедерации. Хоть за последние месяцы мы

изрядно проредили агентуру аболиционистов, да и прочих негролюбив окоротили не слабо, потенциал для бунтов оставался. Вот на него явно и рассчитывали Линкольн со товарищи, вбросив в массы прокламацию об освобождении рабов.

Начались... спорадические беспорядки. Их быстро и жёстко давили, особой угрозы они не представляли, ведь доступа к оружию и нормального руководства у негров просто не было. Резидентура янки того – или отловилась, или смылась, или сидела тихо, как мышь под метлой. В какой-то мере беспорядки оказались нам даже на руку, показывая некоторым благодушно настроенным семействам, что под боком у них постоянно есть змеи, способные укусить при первом представившемся случае.

– Беспорядки, – поднял вверх указательный палец герцог. – О них пишут везде.

– Укус клопа, – поморщился Борегар. – Клопов дают, и забывают об их попытках тебя задеть уже через несколько минут.

– Да, вы раздавили «клопов», – охотно согласился посол. – Но европейская пресса бурлит и истекает ядом, особенно в Англии, и немного меньше во Франции. Репутационные потери оказались велики.

Борегар смолчал, я же предпочёл парировать этот выпад:

– Всё равно никто не побежит кормить подышающие Соединённые Штаты с ложечки питательным бульоном из экспедиционных корпусов и массовых поставок вооружений. К тому же мы верим помимо прочего в добрые отношения с королевой Изабеллой. Кстати, как обстоят дела в Мексике?

– Дева Мария благосклонно смотрит на нас с небес, – прищурился от удовольствия испанский гранд. – Войска маршала Прима, получив подкрепления из метрополии, идут на столицу. Но перед этим мы обезопасили себя от угрозы с юга. Орисаба пал, Оахака и Акапулько сдались без боя. Французы тоже... путаются под ногами. У Хуареса нет шансов победить. На нашу сторону переходят все, кого он попробовал ограбить. А опираться за всю эту мелюзгу без поддержки со стороны северного соседа... Он обречён, вопрос лишь в том, когда сам это поймёт.

– Что возьмёт от Мексики королева Изабелла?

– Веракрус, Матаморос, Акапулько с окрестными землями. Может, больше, но нам предстоят переговоры с будущим императором Мексики. Испании нужен дружественный монарх, не хочется его расстраивать.

– Конфедерация будет приглашена на эти переговоры?

Вопрос Борегара был задан с такими интонациями, что рассматривать его иначе чем в качестве констатации очевидного вряд ли имело смысл. И посол это хорошо понимал.

– Разумеется, генерал. Моя королева ценит вклад Конфедерации.

– А ведь мы планируем и другое приглашение, – закинул удочку я. – Переговоры о мире между нами и США. Согласитесь, посол, что окончание этой войны станет значимой вехой не только для этого континента, но и для Европы. Мы от всей души надеемся, что ваше королевство займёт на предстоящем конгрессе благожелательную по отношению к Конфедерации позицию.

– Президент Дэвис планирует собрать целый конгресс наподобие Парижского?

– Не совсем, – улыбнулся я, а Борегар кивнул, подтверждая, что мои слова – его слова. – Все мы понимаем значимость мистера Дэвиса в период становления Конфедерации, но сейчас он явно устал, ему нужен отдых и... менее тяжёлая и выматывающая работа.

В переводе на совсем уж понятный язык, мы только что сказали, что президент Дэвис скоро лишится всей своей власти. Открыто, не таясь, тем самым показывая, что не собираемся играть в прятки.

– И на объявленных выборах будет выдвинут...

– Никаких выборов, – отрезал я. – Игры в демократию хороши в меру, но если заиграться, то наступает что-то вроде того, о чем заявил Линкольн в своей прокламации. Семьям Юга не хочется, чтобы того, кто будет править, выбирали разные... непригодные для этого люди. Ведь так можно докатиться и до того,

что в выборах, как вскоре в США, смогут принять участие те самые, родом из Африки. Мы хорошо понимаем риск повторения чего-то подобного в будущем, поэтому предлагаем стране решение, опробованное небезызвестным вам Наполеоном Буонапарте. И надеемся на поддержку королевы Изабеллы.

– Не со стороны, как в Мексике, а изнутри, – понимающим тоном вымолвил герцог Осуна. – Я понял вас. Даже не спрашиваю, кто это будет. Всё уже понятно. Но поддержка Испании в столь важном вопросе...

– Дорогого стоит, – подхватил Борегар. – И мы готовы предложить достойную плату. Обновлённая Конфедерация отдаст Испании доктрину Монро на золотом блюде.

Слово было сказано. И озвученное предложение не могло не заставить герцога Осуна отнестись к нему самым серьёзным образом. Доктрина Монро, этот краеугольный камень в дипломатических игрищах Нового Света, мешающая иным странам, кроме США, напрямую вмешиваться в дела стран на территории обеих Америк. И вот эту священную корову бросали прямо под нож Испании, тому самому королевству, которое имело больше всего интересов в своих бывших колониях.

– Королева Изабелла узнает об этом очень скоро. Я сегодня же отправлю секретаря посольства на вокзал, где он сядет на поезд до Норфолка. А там на посольском корабле к побережью Испании. Такие известия можно передавать только с доверенными людьми.

– Курьерский поезд будет ждать вашего человека. Равно как и надежная охрана, – подтверждаю я нашу заинтересованность в скорейшей доставке послания. – И вы можете сказать по поводу сделанного нашей стороной предложения...

– Королева внимательно его изучит и в скорейший срок ответит вам. Вместе с тем мне хотелось бы узнать о том, на кого ещё будет распространяться изменение доктрины?

– Испания и Россия, если сочтёт это необходимым для себя, – без промедлений отвечаю на действительно важный уточняющий вопрос. – Также надеюсь на то, что обе упомянутые в нашем разговоре монархии будут благосклонны к

выдвинутым Конфедерацией предложениям на предстоящем конгрессе. Остаётся лишь место его проведения.... Куба – воистину райский остров.

– И это я тоже передам своей королеве. Она с пониманием отнесется к... высокому мнению о кубинских красотах.

Дипломат, эти его! Всем тоном даёт понять, что королеве Изабелле точно понравится крах доктрины Монро, да и выбор Кубы как места проведения конгресса тоже наилучшим образом скажется на потускневшем за последние десятилетия блеске короны испанских монархов.

Что до намёка на будущие действия, схожие с предпринятыми ранее Наполеоном I, то и тут Терьес-Хирон наверняка всё понял и обязательно доложит королеве Изабелле. О чём? О том, что скоро с КША может случиться метаморфоза, подобная той, которую запланировали проделать с Мексикой. Отличие, как уже было упомянуто в нашем разговоре, в том, что Мексику решили изменить извне, а Конфедерацию – изнутри. Результат один бес будет схожим и откровенно позитивным для многих европейских монархий. Они ведь после Французской революции и многочисленных последующих попыток изменения государственного строя с подозрением относятся к «рассадникам демократии». И тут я их более чем понимаю.

По сути главная часть визита к испанскому послу подошла к концу. Теперь надо было поприсутствовать ещё некоторое время просто для приличия. Побеседовать обо всём и ни о чём. Сама собой всплыла тема Реконкисты. Той, первоначальной, которая против мавров. Я тоже втянулся в разговор, благо кое-что помнил, а некоторые нюансы, доселе неизвестные, были весьма любопытны. В общем, неплохая оказалась возможность временно отвлечься от нынешних хлопот.

Интересным фактом было и то, что визит к Штакельбергу, послу России в Конфедерации, состоялся ещё вчера. Мы желали получить по сути то же самое, что и от Испании, но вот расплатиться собирались иным векселем. Каким? Куда более важным для России и лично императора Александра Николаевича. Обещание поддержки по вопросу уничтожения результатов Парижского конгресса по результатам Крымской войны. Иными словами, обещание полной солидарности в наплевательском отношении к нейтрализации Чёрного моря. Не на словах, а с возможным подписанием любого рода официальных бумаг главным лицом Конфедерации.

Риски для нас? Собственно, они практически отсутствовали. Британия изволила с недавних пор якшаться с янки. Франция... Пока что они слишком тесно были повязаны с нами по мексиканскому вопросу, так что по любому ограничатся лишь недовольными физиономиями. А ими, уж извините, меня точно не удивить и тем более не напугать.

Относительно же намёков русскому послу о скором изменении государственного строя Конфедерации... Здесь также были очень неплохие перспективы. Хоть император Александр II и не находился на столь твёрдых консервативных позициях, как его отец, незабвенный Николай I, но более чем чтит неприкосновенность монархии. Я-то помнил, как серьёзно он относился к ситуациям, когда полетели короны сначала с владетелей итальянских мини-монархий, а потом с такого же уровня значимости германских властителей. Александр Николаевич изволил серьёзно гневаться, вызывая дипломатов тогда еще прусского короля Вильгельма и его канцлера Бисмарка на ковёр и устраивая нехилый клистир с дохлыми ёжиками и молотыми кактусами. А ведь там не было образования, упаси боги, республик, лишь переход под власть другой короны, более значимой. В нашем же случае должно было произойти нечто совсем противоположное, то есть укрепление консервативного начала по ту сторону океана. Вроде и далеко, а всё равно приятно, да и с точки зрения пропаганды вполне своевременно. Дескать, революции в Европе проваливаются, зато монархии в не самых малозначимых странах восстанавливаются.

Генерал Штакельберг порадовал и иной новостью, на сей раз имеющей отношение к северной части американского континента. К совсем северной – к Аляске. Отправленные не столь давно образованной «Северной компанией» геологические партии подтвердили, что золото в указанных мной местах есть, причём во внушающем почтение количестве.

Получив же подтверждение, император высказал недвусмысленную монаршую волю. Она заключалась в том, что у компании Гудзонова залива требовалось купить те земли, где, по поступившим от меня сведениям, также находились залежи золота, столь нужного империи. Разумеется, покупка должна была совершиться до того, как начнутся первые шаги по разработке приисков. И, что особенно радовало, руководство компании охотно согласилось продать «Северной компании» интересующие оную земли за сумму всего лишь в триста пятьдесят тысяч фунтов стерлингов золотом. Обе стороны были довольны суммой, сроками сделки, процедурой перехода собственности. Но очень-очень скоро одна сторона, я точно знаю, взвывает нечеловеческим голосом от жалости к

себе, рыдая горючими слезами. Более того, побежит жаловаться непосредственно королеве Виктории, что сюсеньку-малюсеньку злые русские дяди обидели, как последнего алеута на бусы и бочку спирта развели.

И что после всего этого стоит ожидать от Британии? Пакостей, разумеется. Забавный народ. Свято уверены в том, что только они могут подкладывать соседям жирных хрюкающих свинтусов, при этом не получая взамен столь же дурнопахнущие дары. Нет уж, что сами делаете, то вам бумерангами в обратку и прилетит.

Был ли я доволен результатами разговоров с двумя наиболее важными для нас послами? Вполне. И Борегар, на которого делалась главная ставка, тоже находился в приподнятом состоянии духа. Насколько это было вообще возможно в нынешней ситуации. Как ни крути, а война ещё продолжалась. Мы выигрывали, в том не было и тени сомнений, но грамотно провести эндшпиль сложной партии – это отдельное искусство. Особенно в тех условиях, когда к противнику неожиданно подкатил очень опытный советник, подсказывающий, как следует грамотно проиграть, сохранив при этом большую часть имеющегося потенциала с прицелом на среднесрочную перспективу.

Были ли меры противодействия? Частично да. Ну, а частично их предстояло сначала сформировать, а потом и пустить в дело. Увы, в этом Борегар мне ни разу не помощник. Зато старый друг Джонни – это совсем другое дело.

Глава 2

КША, штат Виргиния, Ричмонд,

июль 1862 года

Большая политика – это одно. Будни тайной полиции – совсем иное. Но без правильно организованной работы последней вся дипломатия быстро и качественно накроется звонким медным тазом. Проверено веками.

Вот поэтому в моём доме и собрался очень узкий круг тех, кто был необходим для того, чтобы завершающий этап войны прошёл так, как надо Конфедерации. И это были отнюдь не армейцы в полном смысле этого слова. В гости пожаловала верхушка уже вполне сформировавшейся за последнее время спецслужбы, основой которой послужила всё та же «Дикая стая». Ох, чую я, что именно на основе «диких» и выстроится местный аналог жандармерии, только куда более жёсткий к врагам внешним и внутренним.

Джонни – это само собой, ну куда же я без главного своего в этом деле помощника. Вилли Степлтон и Читем Уит – здесь чисто силовое крыло, армейцы и планировщики, но кто сказал, что операции по обезвреживания вражеской агентуры не нуждаются в таких специалистах. Мероприятия наподобие планирования действий диверсионных групп и организации бунтов в тылу врага – это тоже по их части будет проходить.

Маркус Шмидт, лечитель-мучитель, недавно получивший звание майора, а заодно и должность руководителя «отдела усиленного дознания». Иными словами, потрошитель не желающих разговаривать, вместе с тем оказавшийся неплохим знатоком человеческой психологии. Следовательно, его пришлось быстренько, но от всей души натаскивать на предмет основ оперативной работы, которые в этом времени были не так чтобы сильно развиты. И к настоящему времени он был уже... неплохо подкован, особенно на предмет завести допрашиваемого в логическую ловушку, после чего уже ловить на противоречиях. пытки? Исключения ради, а не стандартной процедуры для, сугубо в тех случаях, когда без них не обойтись. Применяться должны не против всех подряд, как-никак у нас тут культурная и развитая страна, а не банановая республика.

Стэнли О'Галлахан, успешно выполнивший порученные ему задания, в результате чего сдавший не просто экзамен на профпригодность, но и получивший определённый сектор работ под своё начало. Покамест авансом, с чётким приказом повышать уровень своего образования. Имеющегося, при всём моём уважении к этому бывалому ганфайтеру, было недостаточно.

И Мари, Мария Станич, которую, раз уж её занесло в дебри секретной службы, требовалось натаскивать буквально по всем направлениям сразу. К числу её достоинств помимо ума и проверенности кровью стоило отнести абсолютное, без тени сомнений, доверие. Это дорогого стоит, с какой стороны ни посмотри.

А вот Елены сегодня не было, хотя в любой другой день непременно появилась бы. Просто так, за компанию с сестрой, ни на что особенно не претендуя. Сегодня же у неё разболелась голова. Дело житейское, абсолютно безопасное, но с головной болью сидеть на такого рода собрании сестрёнка не видела смысла.

Собственно, это были все, если не считать охраны за дверью и слуг, которые, впрочем, могли появиться исключительно по звонку и уж точно не по собственной инициативе. Но большего числа и не требовалось, многолюдство тут ни к чему.

Проклятье, чуть не забыл. Очень бы хотела появиться Вайнона, успевшая пойти на поправку после того злополучного ранения. Увы, не судьба, её тут не восприняли бы, сочтя появление девушки за мою блажь. И были бы правы. Мисс Вайнона Килмер пока не была готова к чему-либо серьёзному. Уровень развития не позволял. Пришлось ей мягко, без лишнего нажима пояснить – необходимо знать и уметь гораздо больше, а уж потом предъявлять обоснованные претензии на участие в действительно важных делах. Иначе... будут считать капризной фавориткой, пусть даже из вежливости вслух не произнесут. Подействовало, да ещё как! Дуться выздоравливающая юная особа не стала, лишь ещё сильнее укрепились в желании как можно скорее достичь того уровня, чтобы быть достойной. Похвальная целеустремлённость!

– Вот мы и собрались, господа и единственная присутствующая здесь дама, – улыбнулся я, после чего, помахивая указкой из слоновой кости, подошёл к повешенной на стене большой карте США, Конфедерации и окрестностей, на которой разными цветами были показаны как первоначальное положение дел, так и нынешнее. Наглядность – наше всё! – Думаю, карта вам всем вполне знакома.

– Более чем, – проворчал Вилли, подтверждая очевидное. – Устрица уже на тарелке, осталось лишь открыть раковину. А раковина – это Вашингтон!

– К прискорбию вынужден заметить, что янки стянули к столице большую часть сил, Вилли. Лучше сначала ударить со стороны Индейской территории по Канзасу. И продолжать до тех пор откусывать по кусочку, пока у Линкольна не хватит ума пойти на заключение мира на наших условиях.

Вот всё верно говорит Уит, да только рассуждает с точки зрения военного, а не спеца по тайным игрищам разведок и контрразведок. Впрочем, от него я иного и не ждал. Возразил ему даже не Джонни, а моя сестра, обманчиво ласковым голосом, как она неплохо научилась за последние месяцы.

– В окружении Линкольна стало слишком много тех, кто связан с британским послом, виконтом Ричардом Лайонсом. Истерика в английских газетах, начавшаяся распродажа акций портов и железных дорог дельцам из лондонского Сити. Что это значит, Читем?

– Англичане решили поддержать США, мисс Мэри, что ж ещё!

– Верно говоришь. Значит, они смогут послать сколько угодно «добровольцев», да и корабли продать вместе с командами. Стой, не говори мне, что тогда наши союзники продадут корабли нам! – не дала она и рта раскрыть подполковнику Уиту. – Зачем нам нужны такие затруднения, если можно обойтись без них? Нужно всего лишь не затягивать войну, нанеся один удар в сердце вместо множества порезов.

– Ударов, Мари, ударов, – поправил свою помощницу и адъютантку Джонни, но сделал это очень мягко, с доброжелательной улыбкой. – Несколько ложных и один настоящий. Виктор, ты ведь сейчас покажешь это всем нам?

Вопрос, не подразумевающий иного ответа помимо положительного. Куда ж я денусь-то!

– Посмотрите, где у нас находится Вашингтон, – кончик указки упирается в местонахождение столицы США на карте. – Янки сейчас всеми силами пытаются сделать Потомак непреодолимым для нас. Речные канонерки, стянутые артиллерийские батареи, концентрация войск под командованием уже известных нам генералов Гранта и Шермана. Будем атаковать в лоб – кровью умоемся.

– Можно ударить от Винчестера и Харперс-Ферри в направлении на Балтимор, – в лучших традициях Вест-Пойнта, по книгам из библиотеки которого постигал военную науку, заметил Степлтон. – Это отрежет Вашингтон от поставок по железной дороге и создаст значительные сложности для его защитников. Поставки морем – сложно, долго, дорого.

– Хоть и сложно, а всё равно можно, – хмыкнул я. – Но ты прав, Вилли, это по любому лучше, чем пытаться перебраться через Потомак прямо близ Вашингтона, надеясь на удачу и расположение к нам высших сил. Допускаю, что отсекли мы столицу янки и прилегающие к ней территории. Дальше что? Какими будут их действия?

– Будут пытаться деблокировать. При поддержке тех войск, которые окажутся рядом со столицей и в ней самой. Нам будет сложно противостоять деблокирующим ударам, особенно одновременным с двух сторон, но преимущество в боевом духе и в вооружении нельзя не учитывать.

Я кивнул, соглашаясь со своим другом в частности, но не в целом. На то имелись веские причины, каковые я не собирался скрывать от собравшихся.

– Нужно создать Линкольну проблемы как на границах контролируемой его войсками территории, так и в глубоком тылу. К счастью, у нас есть возможности для того и для другого. Сначала к пограничным неприятностям для янки. Канзас! – я провёл указкой по границе между вышеупомянутым штатом и Индейской территорией. – Последнее время мы использовали некоторую часть индейских добровольцев в других местах, в то время как основные их силы были заняты всё больше тем, что патрулировали границу и собирались с силами. Что тут можно сказать? Собрались. Ярким тому доказательством является факт выдвижения на место вождя племени чероки Стэнда Уэйти вместо переметнувшегося на сторону Джона Росса. Уэйти уже неплохо успел проявить себя в действиях против той части индейцев, которые переметнулись на сторону янки, да и в пограничных сражениях показал себя грамотным командиром.

– Удар со стороны Индейской территории их собственными силами? – призадумался Уит. – Недостаточно!

– Верно. Зато при усилении индейцев техасской кавалерией получившееся соединение способно будет поднять шум и вынудить федеральное правительство предпринять хотя бы минимальные меры для отражения угрозы.

– Они могут просто бросить Канзас на произвол судьбы, – скорчила гримаску Мария. – Стратегически Канзас уязвим, он зажат между нашим Миссури и мормонским Дезеретом. Не забывай про это, Вик!

Растёт сестричка. И меня это откровенно радует. Вот уже и на подобных собраниях не просто слушает, но и высказывается вполне по делу.

– Мы всего лишь совмещаем несколько целей этим отвлекающим ударом, сестра. Отреагируют как подобает? Замечательно. Нет? Индейцы «пяти племён» не откажутся прирастить территорию своего штата за счёт Канзаса. Основная угроза всё равно будет не там, а далеко на северо-западном направлении. Джонни?

– Нью-Йорк, джентльмены и леди, Нью-Йорк, – радостно оскалился человек со сложной и запутанной биографией. – Прокламация Линкольна об освобождении рабов и представлении им равных гражданских прав порадовала аболиционистов, но возмутила многих умеренных. А в Нью-Йорке ситуация и без этой прокламации напоминала паровой котёл с заклёпанными клапанами. Пройдёт немного времени, и пар найдёт себе выход, просто разорвав этот котёл.

Джонни не преувеличивал. Нью-Йорк в это время являлся неким островом в море янки. Островом, где куда больше симпатизировали идеям Конфедерации, нежели всем этим долбаным аболиционистским вывихам мозга. Что и доказали не так давно – в этом году, уже в самый разгар войны – состоявшиеся выборы губернатора. На них победил Гораций Сеймур – яркий представитель Демократической партии, членов которой уже не называли иначе как медноголовыми. Сеймур был яростным противником войны, причём не стеснялся об этом заявлять при любом удобном и даже неудобном поводе, тем самым вызывая истинное бурление помоев среди истеблишмента США.

Неудивительно, что прокламация Линкольна вызвала как у губернатора, так и у его многочисленных в Нью-Йорке сторонников истинное неприятие и готовность всеми силами противостоять подобному потрясению основ. Нужна была лишь искра, чтобы воспламенить концентрированную горючую смесь. И именно это мы и собирались сделать. Как раз про варианты вызова искры говорил Джонни.

– Нью-Йорк должен запылать! – заявил Смит с яростным блеском в глазах. – Янки окончательно сошли с ума, предоставив нам возможность воспользоваться их ошибками. Губернатор Нью-Йорка Сеймур противостоит Линкольну исключительно политическими методами, но простые горожане могут зайти и дальше. Они понимают, что рабочих мест на всех не хватает, а равенство в правах даст возможность брать на работу вчерашних рабов. При этом плата за работу понизится, а нагрузка возрастёт. А ещё есть прибывшие мигранты, среди

которых много ирландцев, немцев, есть и итальянцы. Многие из них не имеют пока гражданства... Зато после сочинённой Линкольном прокламации негры будут иметь, тем самым получая преимущество.

– Ирландцы взбесятся, я их хорошо знаю, – усмехнулся Читем Уит. – Они парни горячие.

– Не забудь о том, что донесли наши агенты, Джонни, – проворковала моя сестра. – Линкольн готовит массовый призыв в уменьшившуюся числом армию. И спрашивать о согласии уже не станут. Дают возможность заплатить откупной налог, но откуда деньги у нью-йоркской бедноты? Захотят ли они умирать под нашими пулемётами за чужие идеалы?

Ох, не захотят! Как не захотели и в известной мне истории. Тогда попытка массового призыва нью-йоркцев в армию вылилась в уличные бунты с поджогами, многочисленными жертвами и вводом войск федералов. Стоит заметить, что тогда это были стихийные бунты. А если на сей раз они станут управляемыми?

– Я помню, Мария, – кивнул Джонни. – Потому здесь и находится Стэнли О’Галлахан, уже доказавший, что он и его люди умеют действовать на вражеской территории. Казнь Джеррита Смита – его рук дело. Теперь он будет принимать участие в том, что должно начаться на улицах Нью-Йорка.

– Нужно кого-то убить? Но тогда уж в Вашингтоне, там наши главные враги.

– Не глупи, Читем, – отмахнулся я от замечания бывшего командира «луизианских тигров», а ныне командира просто «тигров» в «Дикой стае». – Нашим людям в Нью-Йорке нужно будет не убивать, а лишь возглавить восстание против прокламации Линкольна и его намерения призывать в армию всех нью-йоркцев, кто не имеет достаточно денег для того, чтобы откупиться. К счастью, у нас там уже хорошая сеть агентов. Связи с ирландской диаспорой тоже нельзя сбрасывать со счетов. Денег у них в условиях плохо складывающейся для янки войны стало ещё меньше, а кушать хочется всегда. Наши агенты порой подкидывают финансы, причём авторитетные люди знают, от кого именно идёт помощь, не дающая женщинам и детям чахнуть от голода.

– Нужны офицеры, знающие особенности городских боёв. И оружие. Много оружия.

– Правильные слова. Офицеров переправим под видом коммерсантов из Европы. Хорошо, что под боком столь удобная для нас Куба, а с Испанией хорошие отношения. Янки же никогда не рискнут ограничивать вход в свои порты кораблей под испанским флагом. Что до оружия... Будет назначена дата начала мятежа. Первым делом надо будет прорваться в порт, куда как раз в нужное время зайдёт парочка пароходов, нагруженных старыми винтовками, которых у нас достаточно скопилось, да боеприпасами по паре сотен патронов на ствол.

– Старьё?

– Да, Вилли, именно старьё. Тогда юридически мы будем вроде бы и не при делах. Привезли испанские торговцы товар в виде устаревшего стрелкового оружия с целью продать янки по невысокой цене, так и что с того? Обычное дело, особенно если учитывать факт, что после недавних потерь оружие для США лишним не окажется. А там уж... удачное для участников бунта стечение обстоятельств.

– Всем всё ясно, но в то же время обвинить сложно?

– Верно подмечено, друг мой, именно так и должно быть. Нужно лишь тщательно подготовиться, и тогда всё получится.

Улыбки на лицах собравшихся. Идея явно им понравилась. Нью-Йорк и впрямь был специфическим местом, шансы на то, чтобы разжечь пламя мятежа, были неплохие. Однако были и белые пятна, на которые мне тут же и указали. На сей раз О'Галлахан как человек, понимающий, что его туда и запихнут.

– Нью-Йорк важен, это всем ясно. Разрази меня гром, мятеж раздавят! Достаточно пары бригад, а то и одной под командованием умелого генерала. Такие у янки есть. Хейнцельман, Ричардсон, которого вы, мистер Станич, отпустили под обещание. Но это не будет войной. Это будет подавление мятежа! Много их, таких генералов. Город долго не удержать. Простите, но я говорю как есть.

– А кто сказал, что город вообще можно удержать, голова болванкой? – фыркнул Джонни, никогда не считавший своего давнего приятеля особо одарённым по интеллектуальной части. – Нам нужно, чтобы на подавление мятежа перебросили часть войск. Желательно побольше. Не одну бригаду, а минимум две. И когда Нью-Йорк запылает, а на улицах сцепятся наши ирландцы с введёнными на их подавление полками... В этот момент мы и ударим, отсекая Вашингтон от других территорий.

– Всё верно, – подтвердил я. – Древнее правило гласит: «Разделяй и властвуй». Мы постараемся разделить вражеские силы, чтобы разбить каждую часть по отдельности. Что же до тех, кто отправится в Нью-Йорк, то опасность порученного им дела очевидна. Потому туда отправляются лишь добровольцы. Мы же постараемся их вытащить в любом случае. Своих не бросаем. Снижает напряжённость тот факт, что война при удаче нашего замысла закончится очень скоро. Давно пора выволить наших ребят, которые в плену у янки.

Это я вспомнил про тех, кого буквально сдали в плен у Падьюки. Борегар, при полном содействии как президента, так и почти всего его кабинета, попытался было договориться об обмене пленными – было на кого менять, особенно после Геттисберга, – но был обломан в полный рост. Янкесы категорически не желали нашего усиления таким вот образом, а до своих им явно не было большого дела. Нет, прямо они не отказывали, понимая всю нежелательность предстать перед европейскими странами в амплуа страны, не заботящейся о своих попавших в плен солдатах, но развели такую переговорную волокиту, что сразу стало понятно – обмен если и состоится, то минимум месяцев через восемь-десять. Гадёныши, мать их так!

Впрочем, сейчас речь была о другом. О том, чтобы сконцентрировать в Нью-Йорке должное число опытных бойцов, умеющих в городских условиях дать прикурить не то что ополченцам, но и ветеранам. Не в качестве пушечного мяса, а как инструкторов и командиров младшего и среднего звена. Отбираться должны были те, которые своим появлением не вызвали бы подозрений. Из-за этого требовалось, чтобы О'Галлахан вновь открыл рот и озвучил то, что ему удалось сделать.

– Что насчёт наёмников, Стэнли? Многие ли согласились рискнуть за хорошие деньги?

– Больше половины из тех, кому это предложили, мистер Станич. Некоторые посчитали, что такой заказ слишком опасен, – вздохнул ирландец, явно вспоминая довольно длительные хлопоты по выходу на контакт со многими ганфайтерами и откровенным криминалитетом. Как самолично осуществлёнными, так и через посредников. Последнее случалось гораздо чаще, страна-то большая. – А согласившиеся придут в Нью-Йорк после получения вперёд первой части оплаты. Вы приказали не слишком торговаться, но такие деньги...

– Эти парни того стоят, Стэн. Тем более что работать предстоит вслепую, не зная цели. Ты ведь никому не проболтался?

– Клянусь святым Патриком и самой Ирландией!

– Верю, успокойся, я просто так спросил. А деньги... Скупиться во время войны значит собственноручно рыть себе могилу. Думаю, излишне напоминать о привезённых вами трофеях родом из глубин банковских сейфов? Они по любому перевесят наши затраты.

Тяжко вздохнул лишь Читем Уит. Остальные либо воздержались от проявления эмоций, либо просто кивнули или улыбнулись. Ощущалось, что почти у всех присутствующих успел произойти коренной сдвиг в психопрофиле, перестроивший сознание на приемлемость того, что раньше было не свойственно местным южным джентльменам. Долгое общение с циничным мной явно принесло плоды. О'Галлахан меж тем продолжил:

– Наёмники уже начали появляться в Нью-Йорке. Ждут только приказа... и новых выплат.

– Деньги они получают. Наши агенты по-прежнему работают, и большая часть вне подозрений. Пусть пока изучают город, знакомятся с будущими подчинёнными. Подготовку можно будет начать лишь незадолго до часа икс, тут спешить себе дороже станет. И то лишь с теми, кто точно не побежит доносить. Про нанятых романтиков большой дороги я и вовсе молчу, они вообще к этим делам не должны прикасаться. Вот начнутся беспорядки, тогда и будем их использовать. Не раньше! Доверия к ним у меня нет.

– И правильно, Виктор, – скривился Джонни. – Знаю я их, имел несчастье пробовать работать с ними на доверии. Больше не хочу.

Вот и я не хочу. Зато сам план обрёл не то что общий контур, но вполне конкретные черты. Оставалось назначить дату начала всего этого безобразия, но тут уж... Лучше ещё раз как следует подумать, взвесить все «за» и «против», да ещё состыковать с возможностями армии.

А ещё был флот. Флот Конфедерации, который к этому времени уже вырос из детских штанишек. Сделанная министром военно-морских сил Стивенем Мэллори ставка на броненосцы явно оправдывала себя. Эти нового класса корабли должны были сыграть важную роль на нынешнем, завершающем этапе войны. Хотя бы по той причине, что на их создании не сэкономили, использовали заказанные в Европе паровые машины высшего сорта и произведённую в окрестностях Ричмонда броню. Орудий для вооружения этих бронированных утюгов тоже не пожалели.

Орудия... С ними произошла отдельная, местами матерная история. Какая-то ну очень светлая голова предложила пойти по изначально порочному пути и использовать в качестве главного калибра гладкоствольные орудия системы Дальгрена чудовищного калибра. А это было тупо! По крайней мере, с моей точки зрения. Я помнил, что в знаменитом бою «Виргинии» против «Монитора» большинство ядер, особенно выпущенных из гладкоствольных орудий, просто отскакивали от броневого пояса. А это было недопустимо!

Так что Мэллори приходилось вдумчиво и настоятельно убеждать в том, что не стоит при создании нового типа кораблей использовать откровенно устаревшие орудия. И не совсем устаревшие тоже. С необходимостью установки нарезных орудий министр военно-морских сил и без того был целиком согласен, а вот относительно крайней желательности установки казнозарядных орудий... тут пришлось наглядно убеждать. Каким образом? Притащив на полигон обычные орудия Паррота и Брукса, а наравне с ними выставив казнозарядное орудие Уитворта. После чего показать пробивную способность этих трёх систем. Результат был, что называется, налицо! Да и точность «уитвортов» под сомнение никем не ставилась, чего стоит хотя бы неоднократное использование их в Потомакской армии именно для контрбатарейной борьбы. А велика ли разница между контрбатарейной борьбой на суше и стрельбой по вражескому кораблю на море? Верно, не слишком велика. В обоих случаях требуется не стрельба по площадям, а максимально точное попадание в цель.

Убедить удалось. Хотя тут сказался и тот факт, что Стивен Мэллори признавал моё прямое участие в развитии Конфедерацией настоящего флота, и вовремя, а не слабого его подобия с заметным опозданием, что было бы, позволь мы Дэвису со товарищи действовать по их усмотрению. Вышло бы именно так, как в родной для меня исторической ветви – тоскливо, печально и с заранее предсказуемым результатом.

Что же касается орудий для броненосцев, то тут следовало действовать в двух параллельных направлениях. Во-первых, требовалось как можно быстрее разместить заказ на поставку орудий Уитворта или Армстронга, причём морских и самого солидного калибра из имеющихся, то есть семидюймовых. Вместе с тем и от меньшего калибра отказываться также не стоило, лишними они точно не стали бы. Во-вторых, вправить мозг производителям орудий системы Брукса на предмет необходимости скорейшей переделки их из просто нарезных в казнозарядные, ориентируясь как раз на «армстронги» и «уитворты».

Было сделано как первое, так и второе. К сожалению, всем было понятно, что второе даст результаты значительно позже. А поскольку уповать на скорую и успешную доставку британских орудий как на единственный вариант лично мне не улыбалось, то как резервный выход предусматривалась установка имеющихся нарезных дульнозарядных орудий Брукса калибром двести восемьдесят миллиметров в качестве главного калибра.

Орудия – это хорошо. Но их расположение не менее важно. Вариантов оно было два: казематы и башни. И казематы в качестве основы мне ну совершенно не нравились. Вспомогательное – это другое дело. Зато в качестве платформы для главного калибра должны были быть исключительно башни. Вращающиеся, вестимо, с повышенной броневой защитой, как и полагается. Две, а не одна, носовая и кормовая, имеющие возможность вести не только погонный и ретирадный огонь, но и частично бортовой. Сперва частично, а потом и полностью. В дальнейшем же стоило подумать и о вспомогательных бортовых орудиях, на сей раз расположенных в казематах.

Сам я не был большим специалистом. Так, видел в своё время очень общие данные по структуре первых броненосцев, не более того. Но и этой скудной информации, как оказалось, было вполне достаточно для того, чтобы Мэллори воспринял оную всерьёз и начал дрючить работающих на вервях судостроителей на предмет скорейшего воплощения проектов в реальность.

Что тут сказать – воплотили! К лету 1862 года флот Конфедерации насчитывал три полностью готовых броненосца и один по сути находился на заключительных испытаниях. Плюс строились и другие, но говорить об их моментальном вступлении в строй покамест не приходилось. Заканчивать постройку боевых кораблей в авральном режиме... Не та сейчас была ситуация, совсем не та.

Четыре бронированных приземистых монстра. Первый, названный «Акулой», был своего рода прототипом, тестовым экземпляром, тем не менее, показавшим себя на ходовых испытаниях и тренировочных стрельбах весьма неплохо. Двухбашенный, причём в носовой стояли два 280-миллиметровых нарезных дульнозарядных орудия Брукса, а в кормовой, менее массивной, лишь одно 200-миллиметровое.

Броня была неплохая, особенно по условиям этого времени. Железная, кованая, двухслойная, общей толщиной в сто сорок миллиметров. Бронирование палубы и подводной части было однослойное, семидесятимиллиметровое. А вот башни... О, тут и вовсе не поскупились, доведя слой брони до двухсот пятидесяти миллиметров.

Разумеется, чтобы эффективно двигаться, подобному бронированному монстрику требовалась и подобающая начинка. И она была воплощена в двух горизонтальных паровых машинах прямого действия. Приводился в движение броненосец двумя винтами. Скорость по проекту должен был развивать около десяти узлов, на деле же, как оказалось, пределом было чуть больше восьми. Что поделать, массивность и некоторая, скажем так, угловатость прототипа сделали своё чёрное дело. Но даже со всеми родовыми болячками «Акула» должна была стать той ещё морской хищницей! Особенно в противостоянии с обычными кораблями янки.

Зато с орудиями Уитворта и Армстронга вышло... своеобразно.

Начать стоило с того, что Армстронг создал первое казнозарядное орудие довольно давно, в 1854 году. Но тогда шла война, военному ведомству Британии было не до экзотических новинок. Идею, как водится в подобных ситуациях, отодвинули куда подальше, до лучших времён. Вернулись к перспективной новинке лишь спустя четыре года, а ещё год спустя Армстронг наладил выпуск заряжающихся с казны орудий как в государственном Вуличском арсенале, так и на собственном заводе в Элсвике, близ Ньюкасла.

И начались... неприятности для новатора. Новые казнозарядные орудия стали обвинять во всём подряд: в сложности конструкции, дороговизне, неспособности большинства артиллеристов использовать такую систему. Из обвинений подтверждалась лишь дороговизна, но оно и понятно, ведь затраты на производство орудия более сложной конструкции не могли быть ниже. Таков закон логики и здравого смысла. Что до неспособности нормально использовать сложную технику... Знакомая песня! То ретрограды изволят доказывать превосходство штыка перед пулей, то ненужность самозарядных систем, то исключительное преимущество винтовок перед автоматическим оружием. Для меня в этом не было ничего удивительного. Знаем. Читали. И воочию видели! Протащить «спенсеры» тоже было непросто, равно как и пулемёты. Мне помогла полная финансовая независимость и готовность вложить из своего кармана огромные деньги в производство. А вот Армстронгу было куда сложнее.

На него выливались ушаты грязи. Причина? Откровенное тупоумие рядового и унтер-офицерского состава obsługi орудий. Эти развиздзя привыкли к дубовым, до ужаса примитивным дульнозарядным системам и категорически не желали перестраиваться. Обращались с тонкими механизмами так, словно это дубина первобытного дикаря. Неудивительно, что орудия порой не выдерживали столь варварского к себе отношения. Заклинивания снарядов, несколько разрывов в стволе... В общем, клиническое проявление некомпетентности и попытка переноса вины на производителя.

Стоило ли удивляться тому, что была собрана специальная комиссия, которая должна была сравнивать достоинства систем «уитворт» и «армстронг»? Точно не стоило. Забавным было лишь то, что орудия малых и средних калибров у обоих производителей были казнозарядными, а вот большие калибры... Тут Уитворт предпочёл использовать старую дульнозарядную вариацию. Именно к ней и было решено вернуться почти единогласно. И вообще, британцы решили, что ну их к чёрту эти дорогие казнозарядные орудия, созданные как Уитвортом, так и Армстронгом. Уитворт ещё мог утешаться тем, что его дульнозарядные системы армия продолжила заказывать. Зато Уильям Джордж Армстронг был откровенно раздосадован, практически в бешенстве от того, что его действительно превосходящую иные орудия систему изволили по сути выбросить на обочину. Вместе с водой британцы выплеснули и ребёнка!

Именно это его эмоциональное состояние сыграло на руку эмиссарам Конфедерации. Изобретатель согласился продать как уже имеющееся у него в наличии небольшое число крупнокалиберных, то есть семидюймовых, орудий, не

считая орудий калибром помельче, так и разместить на своём заводе крупный заказ. Более того, за очень солидную сумму дал согласие на приобретение представителями Виктора Станича лицензии на ключевые узлы орудий его системы, но с непременными отчислениями с каждого произведённого в Конфедерации орудия. И у Уитворта купили лицензию на винтовой затвор. Это было действительно то, что стоило брать. Сама же полигональная система, используемая этим инженером, была откровенным хламом. Из всего интеллектуального багажа, приобретённого у Армстронга с Уитвортом, предстояло создать нечто приемлемое для дальнейшего использования. Не мгновенно, конечно, но ведь и расчёт был на перспективу.

Дорого? Да. Но оно того стоило. К тому же любые лицензии можно будет обойти, нужно лишь некоторое время, пока же пусть так, всё польза будет.

И польза действительно была! Имеющиеся девять семидюймовых орудий – равно как и несколько десятков полевых орудий Уитворта, в которых имелась большая нужда – были срочно доставлены в ближайший порт и экстренно отправлены в КША, а там и доставлены куда следует, то есть на верфи, где заканчивалась постройка броненосцев.

Девять орудий – это скромно. Весьма скромно. Особенно учитывая тот факт, что я не испытывал никаких иллюзий насчёт того, что коммерческие отношения с британцами будут устойчивыми. Потому и была покупка права на лицензионное производство! И рассчитывать стоило на худшее. На то, что эти орудия – всё, что удастся получить с Армстронга. Девять стволов на три броненосца. Ну, и возможность довооружения орудиями Брукса, хотя они явно были аналогом «осетрины второй свежести».

Три броненосца со специфическими названиями. Почему? Да просто министру пришло в голову, что называться они должны в честь наиболее важных и значимых побед Конфедерации в этой войне. Вот и получили корабли имена «Чарльстон», «Булл-Ран» и «Фолсом» в честь взятия форта Самтер в Чарльстонской гавани, победы при Булл-Ране и битвы при Фолсом-Лэйк, после которой пала Калифорния.

Корабли были разные. «Чарльстон» представлял собой по сути доведённую до ума версию прототипа. В отличие от «Акулы» у этого броненосца был менее угловатый контур, что сказывалось на максимально развиваемой скорости, доведённой таки до десяти узлов, да в кормовой башне было место для двух

орудий. А каких именно... В носовую башню воткнули две семидюймовки системы «армстронг», а в корме разместились две двухсотмиллиметровки Брукса.

Что до «Булл-Рана» и «Фолсома», то это были уже совсем другие корабли, изначально рассчитанные не только на действия вблизи берегов, но и способные осуществлять океанские переходы. В теории. Проверять подобное покамест никто не собирался, больно рискованно, причём не имело особого смысла.

Три горизонтальных паровых машины прямого действия, три винта, те же две башни – носовая и кормовая – вот только башенными орудиями вооружение этих кораблей не ограничивалось. Имелись и два бортовых каземата, на три орудия каждый. Казематная броня была такая же, как и у пояса, то есть сто сорок миллиметров. Можно было и больше, но решили не переутяжелять и так тяжёлый корабль. Ведь скорость в четырнадцать узлов – на деле чуть больше двенадцати – была важным козырем, что ни говори.

По сути «Булл-Ран» и «Фолсом» были почти идентичны, настоящие серийные корабли. Только у «Булл-Рана» «армстронги» стояли в носовой и кормовой башнях, а у «Фолсома» лишь в носовой. Ограниченность имеющихся стволов, чего уж там. Два плюс два плюс четыре равно восемь. И одно орудие было использовано на полигоне. Для практических стрельб и обучения артиллеристов обращаться с новой для них системой. Нам на фиг не требовались несчастные случаи из-за слабой обученности комендоров. После обучения довольно несовершенное орудие было признано опасным для дальнейшей стрельбы. Что ж, тоже польза. Какая? Удалось наглядно удостовериться, что после определённого количества выстрелов в стволе появляются как признаки «расстрела», так и лёгкие трещины.

Остальные орудия? В кормовой башне «Фолсома» стояли 280-миллиметровые орудия Брукса, а в казематах обоих броненосцев – 200-миллиметровки той же системы. В общем, вполне достаточная огневая мощь как для боя с обычными небронированными кораблями противника, так и для противостояния броненосцам янки. Хотя с последними по нынешним раскладам планировалось воевать орудиями системы «армстронг», поскольку они обладали куда большим эффектом против брони, нежели нарезные, но не шибко мощные орудия Брукса, которым требовалась серьёзная модернизация. Благо с некоторых пор лицензии от самого Армстронга и Уитворта у нас имелись!

* * *

В общем, разговору о флоте было посвящено немало времени. Причина? Планировался вывод в море всех четырёх броненосцев с целью крупно напакостить в портах янки, потопив столько судов – торговых и военных – сколько получится. Ясно, что никакой блокады установить при всём желании не получилось бы. Перетопи мы весь флот северян, англичане спокойно снабжали бы своих новых-старых вассалов через канадскую границу. Однако лишить противника определённой части флота и портовой инфраструктуры уже большое достижение и сильный удар. Да и попробовать подогнать к Манхэттену броненосную эскадру, как только «дойдут сведения о неожиданном мятеже в Нью-Йорке» – это ж просто отлично получится.

Поэтому, ещё немного пообсуждав отдельные аспекты запланированного нью-йоркского мятежа и желаемое участие броненосной эскадры, мы временно отложили эту тему. У нас оставалась ещё одна, не менее важная. Какая? Покушение, в результате которого погиб Фил Мак-Грегор и была ранена очень близкая мне особа. То самое покушение, на заказчиков которого нам так и не удалось выйти. Исполнители были тупы как пробки плюс отличались религиозным фанатизмом, а значит... Нет, усилиями «добротного доктора» капитана Маркуса Шмидта их раскололи от головы до задницы, но это почти не помогло. Одноразовые инструменты, мать их так! Знали лишь внешность тех, кто их инструктировал, но ни подлинных имён, ни особых примет. Ни-че-го! Получалось, что лёгкий путь привёл в тупик, нам оставалось лишь двигаться по более длинному, ведущему неведомо куда и могущему занять огромное время. Только был ли у нас выбор? Увы и ах, выбора как раз и не имелось. Не бросать же всё это, право слово! Инстинкт самосохранения и чувство мстительности этого ни при каком раскладе не подпишут.

– Джонни, порадууй меня хоть чем-нибудь по расследованию этого проклятого покушения! – буквально взмолился я. – Нужна точка опоры, хоть какая-нибудь.

– Кое-что есть. Но такое призрачное и слабое, что я даже не уверен.

– Говори уже. Не тяни кота за хвост, а мне нервы.

– Двое выживших участников покушения – Иезекия Добкинс и Исайя Сандовал. Мы поняли, что думать они не умеют, поэтому просто заставили их вспомнить

разговоры тех безликих наставников почти дословно. А потом Мария заметила интересную мелочь.

– Сестра?

– Их речь, Виктор. Она была особенной.

– Акцент?

– Акцента не было, – хитро прищурилась сестричка. – Зато были слова и общее построение фраз, которые янки редко используют. Такие слова и фразы... Это или англичане, или те, кто недавно оттуда перебрался.

Шестерёнки у меня в голове закрутились на максимальной скорости. Оно и понятно, нужен был лишь начальный толчок, чтобы всё завертелось, причём отнюдь не на холостом ходу. Покушение на меня с Борегаром, почти одновременно появившаяся прокламация об освобождении рабов и наделении их гражданскими правами. Завязки Британии с Линкольном и проникновение их дельцов на внутренний рынок США. Плюс очень похоже на тактику туманного Альбиона, заключающуюся в том, что нет человека – нет и доставляемых им проблем. Бритты уже неоднократно проворачивали такие вот интриги, порой успешно. И даже в случае неудачи они мало что теряли, потому как действовали, прикрывшись исполнителями. На официальном уровне им просто нечего было предъявить. Ну, а не на официальном... плевать они на такое хотели. Понимаю и уважаю такой подход, но спускать точно не собираюсь.

– Кажется, пришло время перейти на отлов британских шпионов. Их, я думаю, хватает на всех уровнях, в том числе и в самом правительстве и около него, – злобно усмехнулся я. – После той поддержки, которую бритты стали оказывать Линкольну, считать их дружественными или даже нейтральными мы не можем. Джонни?

– Есть кое-что, Вик, но это надо перепроверить.

– И всё равно мы внимательно тебя слушаем.

– Я про тех, кто близок к президенту Дэвису.

- Плевать... Нет, не плевать. Это даже лучше, потому как такие должны очень много знать. Кто?

Смит немного помедлил, собираясь не то с мыслями, не то с духом. Впрочем, пауза была недолгой, куда меньше минуты.

- Наш старый друг - Джуда Бенджамин. И собирающиеся рядом с ним генералы-неудачники вроде уже прославленных Флойда и Пиллоу, героев разгрома при Падьюке. Есть и другие, недовольные возвышением Борегара и Джексона.

- Крупная дичь!

- Но они непричастны к покушению.

- Даже не сомневаюсь. Однако лишь через них мы сможем полностью выявить паутину, которую сплели британские агенты. Опасную паутину, потому как играть на симпатиях к бывшей метрополии куда проще, чем на любви к неграм.

- Я жду приказа, Вик.

- Ждешь, значит, получишь. Усиленная слежка за персоналом британского посольства, вплоть до самого посла, сэра Роберта Бульвер-Литтона. Особое внимание к нашему другу - бывшему военному министру. Я должен знать, что он ест на завтрак, с кем спит и в каких именно позах. - Мария хихикнула, явно представив себе такие вот подробнейшие доклады. А зря, интимные дела порой могут помочь, особенно при давлении на объект. - Вроде в его доме большое количество прислуги из числа рабов?

Смит наморщил лоб, вспоминая, после чего произнёс:

- Верно, рабов хватает. Даже после всего случившегося он не услал их куда-нибудь... на плантации.

- Вот и используй их. Негры по своей сути продажны и легко поддаются правильным убеждениям. Пусть служат за страх и совесть.

- Совесть?

– За золото, которое служит средством для её покупки у им подобных. Фонды «Базы» полны?

– С избытком, – улыбнулся мой друг со смутным прошлым. – Хорошо, эти черномазые будут смотреть, слушать... Дьявол, да они будут докладывать, исполняя серенады тонким голосом за те деньги, которые я им предложу!

– Пожалей свои уши, Джонни, их пение отвратительно. Пару раз слышал, до сих пор в ночных кошмарах возвращается. Но не неграми едиными. Найди людей из бывшего окружения Бенджамина, которые затаили обиду. Сейчас они точно не будут ничего скрывать. Раскопай британские связи его родителей. Они точно есть, надо лишь как следует поискать.

– Я это знаю, Виктор.

– Просто проговариваю вслух, чтобы ничего не упустить, – улыбнулся я. – Сам понимаешь, в подобных случаях оно не вредно. И ещё, но уже с прицелом на будущее.

Джонни наострил уши, равно как и Мари. А потом и остальные серьёзно заинтересовались, едва я стал говорить.

– Нужно составить списки в свете надвигающихся событий, которые коренным образом изменят Конфедерацию.

– Какие и сколько?

– Два. Первый – те офицеры, которые имеют подозрительные связи с янки. Уже есть наметки, мы о них неоднократно говорили.

– Генерал Лонгстрит с его лучшим другом Улиссом Грантом и другие, не такие явные. Помню, – помрачнел Джонни. – Ты прав, за ними надо тщательно следить. Может, просто друзья, а может, эта дружба перевесит верность Конфедерации.

– Гражданская война – особая война.

В ответ на это и сказать-то было нечего. Война в пределах одной страны враждующих идеологий – то ещё явление. И собравшиеся понимали, что список необходим. Не для последующих притеснений, упаси боги, просто в качестве страховки. Группа риска, если можно так выразиться. Её в первый список. Со вторым, который только-только начнёт формироваться, и вовсе особая морока. Степлтон, тяжело вздыхая, повёл речь о нём даже раньше меня самого, тем самым несколько облегчая задачу.

– Странники республиканской формы правления – это ещё серьёзнее. Ведь они войдут во второй список, так?

– А как иначе, Вилли? – покривился Джон. – Тут и некоторые из губернаторов-сенаторов-конгрессменов крик поднимут. Господи, кого я обманываю! Многие закричат. Хорошо ещё, что армия на нашей стороне. Потомакская и Теннесси́йская точно. И штаты Южная Каролина, Калифорния и Джорджия, там губернаторы верны абсолютно. С другими – работать надо. И только после заключения мира, сейчас любые крики от сторонников «республики во что бы то ни стало» способны повредить.

– Потому и говорю, что списки – на перспективу, – ещё раз уточнил я. – В общем, давайте как следует пройдёмся по генералитету, сенаторам-губернаторам. Конгрессменов с влиятельными семьями Юга тоже в стороне не оставим. Составим, так сказать, приблизительный расклад в партии, которую нам придётся играть и выигрывать. Желательно, с минимальными проблемами. Ну что, начали!

Пошла работа. Долгая, нудная, но без которой не обойтись. Увы и ах, именно так выглядит большая часть работы секретных служб. Возня с бумагами, попытки вычлени́ть из моря информации несколько важных фактов, чтобы потом на их основе создать верную стратегию действий, прямых или косвенных. И только потом начинается та самая работа плаща и кинжала, которой предшествует долгая предварительная работа. Раньше я знал это чисто теоретически, а вот теперь прочувствовал на своей шкуре практику. И ничего тут не поделаться, жизнь такая... своеобразная.

Интерлюдия

США, Вашингтон,

конец июля 1862 года

Виконта Ричарда Лайонса совсем не радовала обстановка, складывающаяся вокруг США. Не внутри, тут-то он как раз был уверен в нерушимости своего влияния на президента, а именно вокруг. Конфедерация из возможного союзника, вероятного источника поставки ценных товаров за скромную цену, становилась проблемой. Точнее сказать, источником множества проблем в настоящем и ещё большего количества в предполагаемом будущем. И это были не пустые опасения.

Первым делом хлопок. Да, первоначальное решение продать только что зародившейся Конфедерации часть флота рухнувшей Ост-Индской компании было верным решением. Эти устаревшие лоханки составили основу зарождающегося флота и позволили на первых порах даже фактом своего присутствия избежать плотной блокады. И дать возможность не прерывать поставок хлопка на британский рынок. Сырьё! Именно оно загружало большую часть мощностей текстильных производств метрополии. Потому и последующие закупки как военных кораблей, так и машин представителями Конфедерации не вызвали никакого неодобрения как со стороны парламента, так и со стороны дельцов Сити. Все были заинтересованы в постоянных поставках от проверенного делового партнёра по невысокой цене.

Дальше – больше. Мексиканская авантюра, в которую его королева всё же решила ввязаться в расчёте на немалую политическую и финансовую выгоду, внезапно перестала быть таковой, перейдя в разряд военной операции невысокого риска. Почему? Исключительно по причине того, что та же Конфедерация устами своего госсекретаря Тумбса пообещала отрезать Мексике сухопутную связь с дружелюбно настроенным северным соседом. Ни для кого ведь не было секретом, что новоизбранный президент США Авраам Линкольн благоволил правителю Мексики Хуаресу и готов поддерживать его оружием, деньгами и советниками.

И снова обе палаты парламента, Сити, да и сама королева Виктория с радостью ухватились за возможность чужими руками таскать каштаны из огня. Хочет Конфедерация проливать кровь своих солдат для того, чтобы облегчить задачу Британии? Пусть. А требуемая плата совсем невелика – всего лишь признание КША и обмен послами. Всего-то!

Потом наступило просветление. Сперва частичное. Затем полное. Началось всё с того времени, как в Лондон стали поступать абсолютно трезвые, взвешенные, рассчитанные на перспективу доклады назначенного представлять интересы королевы Виктории посла в КША графа Роберта Бульвер-Литтона. Несмотря на довольно молодой возраст, он умел не просто смотреть, но и делать правильные выводы. А они не слишком радовали. Конфедерация явно не желала служить исключительно источником сырья. Свидетельством тому были начавшееся промышленное производство оружия, расширение судостроения, сталелитейного производства. Окрестности Ричмонда и вовсе становились промышленным сектором, безжалостно загаживая атмосферу, но производя всё больше и больше стали, чугуна, сопутствующих изделий. Да и у плантаторских семейств, наблюдающих за этим, возникали мысли создания ткацких фабрик, которые станут перерабатывать получаемое на их же плантациях сырьё. Отсутствуют станки? Препятствием это не посчитали, разумно решив, что на первых порах их можно закупать в Европе, благо выбор имелся. Со временем же и собственное производство наладить не составило бы больших проблем.

Это и само по себе настораживало, но оказалось лишь частью, а не целым. Вместо того чтобы перекрыть границу США с Мексикой, конфедераты захватили всю Калифорнию вместе с золотыми приисками. Сам захват являлся лишь военной составляющей. Политическая заключалась в склонении мормонов к мятежу и выходу их из состава США. Причём президент Дэвис имел лишь частичное отношение к завоеванию Калифорнии и абсолютно никакого к мормонским делам. Сей нюанс Бульвер-Литтон узнал из заслуживающих доверия источников, находящихся совсем близко от Дэвиса, после чего сразу же переслал зашифрованные сообщения как в Лондон, так и сюда, в Вашингтон.

Необычные для американцев методы, тут сомневаться не приходилось. И сразу же разведка её величества королевы Виктории стала копаться, выясняя истинных авторов происходящих изменений.

Искать долго не пришлось, потому как тайны из этого особой не делалось. Генерал Борегар, полковник Станич и примкнувший к этой парочке губернатор Южной Каролины Френсис Пикенс. Армия, тайная полиция и представитель хлопковой аристократии с дипломатическим опытом. Уже тогда был ясен состав нового центра силы. А вот что с ним делать – этого виконт Лайонс пока не знал. Точнее, не получил чётких указаний из метрополии. Там пока выжидали, решив не торопить события. Могучая империя не любила вмешиваться, не оценив как возможные риски, так и получаемые от прямого или косвенного вмешательства

ВЫГОДЫ.

Но относительный, пусть и настороженный нейтралитет сменился на явно выраженное недовольство сразу после того, как стали понятны устремления триумvirата относительно внешней политики Конфедерации. Ставка на Испанию относительно помощи последней в восстановлении влияния, а то и власти над бывшими колониями. Контакты, страшно подумать, с Россией. И не просто разговоры, а передача лицензий на производство новейшего стрелкового оружия и нового слова оружейной мысли – пулемётов. В дальнейшем стоило ожидать ещё более тесного сотрудничества.

Подобного Британия никому позволить не могла! Стало очевидно – Конфедерации надо преподать урок. Но как? Резко перестроиться, заявив о полной поддержке США? Та же Россия просто из-за оскорблённого самолюбия царя Александра парирует любые действия флота империи. Поэтому действовать следовало тоньше.

Вот он и действовал, подготавливая почву для того, чтобы одним рывком перетянуть США, эту бывшую колонию, на сторону Британии в качестве младшего партнёра, по сути покорного вассала. Одновременно же, при помощи своего коллеги, графа Бульвер-Литтона, старался держать руку на пульсе политической и военной жизни Конфедерации.

Получилось ли? По большей части. Линкольн всеми лапами и даже головой охотно сунулся в расставленные на него силки, ему уже не ускользнуть. Банкиры Сити выражали полную удовлетворённость от того, к каким рынкам и на каких чрезвычайно выгодных условиях оказались допущены. Железные дороги, порты и верфи – это то, что просто не может не приносить большого и постоянного дохода.

Зато с делами внутри Конфедерации не получилось. Покушение провалилось, а Борегар со Станичем усилили охрану до такой степени, что к ним было не подобраться. Да и как можно англичанам подобрать ключи к охране, которая большей частью состоит из ирландцев? Отныне все надежды возлагались лишь на ту часть элиты Юга, которая была довольно тесно связана с британскими интересами. Взять власть её представитель не сможет, тут Лайонс здраво оценивал ситуацию. Но добиться скорейшего заключения мира на приемлемых для США – то есть Британии, которая отныне стоит за их спиной – условиях уже можно было надеяться.

Для этого требовалось как можно скорее организовать переговоры воюющих сторон, но с непременным – и лидирующим – участием Британии. Особенно важным фактором была скорость, ведь посол Британии в Конфедерации доложил о том, что Борегар и Станич наносили визиты в посольства Испании и России, причём стремясь сделать это без привлечения постороннего внимания. Опытному дипломату подобное поведение говорило о многом. Если нельзя предотвратить заключение мира на своих условиях, то надо постараться принять самое живое участие в переговорном процессе, настраивая других против победителя. Это удавалось Британии после наполеоновских войн и во время Парижского конгресса, где удалось вырвать из русских нейтралитет Чёрного моря, несмотря на то что война, по сути, окончилась ничем. Именно ничем, что бы там ни писала в мажорных тонах имперская пресса, выдавая желаемое за действительное, создавая у большей части народа иллюзию абсолютной победы. На деле только и удалось, что взять Севастополь, да и то не целиком! Зато показательная и многократная порка русскими турецкой армии, разгром посланных на Камчатку и Русский Север частей... Нет, война, чего уж самих себя обманывать, не была выиграна. Зато битва дипломатов увенчалась успехом, удалось надавить на юного Александра II, в том числе через влияние проанглийской и профранцузской партий при дворе русского оператора. Так почему бы вновь не повторить то, что не раз удавалось?

Придя к устраивающему его решению, виконт Ричард Лайонс заметно успокоился. А успокоившись, сел за письменный стол, придвинул к себе лист бумаги, перо с чернильницей и стал набрасывать черновик донесения, которое в самом скором времени будет отправлено в Лондон.

Российская империя, Санкт-Петербург,

конец июля 1862 года

Император Александр Николаевич Романов был одновременно и не в духе, и доволен. Подобное случалось с ним редко, но не было чем-то уникальным. Столь неоднозначное состояние накатывало на императора тогда, когда однозначно приятные известия, способные пойти на пользу как империи, так и лично ему, соседствовали с различными мелкими, но досаждающими неприятностями. На сей раз неприятность имела конкретное имя и обладала крайне высоким положением в официальной и неофициальной иерархии.

Вице-канцлер Горчаков, являющийся министром иностранных дел и доверенным лицом Александра Николаевича, с самого утра портил ему настроение. Хотя бы уж тем, что князь, известный своими взглядами, близкими к либеральным, ворчал относительно новостей, которые не так давно были ему переданы послом в Конфедеративных штатах Америки, генералом Эрнестом Густавовичем Штакельбергом. И это несмотря на всю их пользу для России в настоящем и интересных перспективах на будущее.

– Не пойму, чего вы брюзжите, князь, – в раздражении Александр II бросил в пепельницу окурок, но не попал. Коротко выругавшись, император вновь посмотрел на своего министра, стоявшего перед ним, невзирая на предложение сесть, и ласково, как он это умел, произнёс: – Александр Михайлович, дорогой вы мой, что такого опасного вы могли разглядеть в предложении, поступившем из Конфедерации?

– Дело не в самом предложении, ваше величество, – улыбка престарелого сатира, появившаяся на лице вице-канцлера, говорила знающим его о том, что один из опытейших дипломатов Европы желал поделиться тайной подоплёкой, которая таилась под внешним слоем. – России предлагают взять на себя роль посредника и гаранта на конгрессе вроде Парижского. Но не одной России, а вместе с Испанией, с которой у нас давний и прочный нейтралитет. Тем самым нас ставят выше Англии и Франции, с которыми после Крымской войны отношения сложные.

– И это хорошо.

– Всё гораздо сложнее, ваше величество... Ох.

– Садитесь же, князь! – повысил голос император, видя, что его министр иностранных дел в этот день чувствует себя далеко не лучшим образом. – Я так хочу.

Изящный, но неглубокий – в силу возраста – поклон лицеиста, одноклассника Пушкина и иных весьма известных персон, стал выражением покорности монаршей воле. Царедворец с огромным стажем, он хорошо знал, как и когда себя вести. Порой стоило, невзирая на подкашивающиеся ноги, скакать козликом. Иногда же наоборот, выпятить наружу реальные и мнимые болезни, вызывая к себе сочувствие и толику опаски. Императорской опаски лишиться

советника – одного из немногих, кому он привык доверять, а порой и соглашаться даже с тем, против чего изначально возражал.

Вот и сейчас, изображая измождённого возрастом и болезнями, вице-канцлер добился того, что отвлек часть внимания императора на своё здоровье. Разговор продолжился, но теперь оба – император и его министр – сидели.

– Вы ведь поняли, что именно между строк сказали генералу Штакельбергу двое настоящих правителей Конфедерации? – слабым голосом, но уже без ноток, заставлявших беспокоиться за здоровье, спросил Горчаков. – Не про мир, а про то, чем они хотят сделать свою Конфедерацию.

– Монархией, – пожал могучими плечами император. – Сначала Мексика, теперь вот и КША. Наигрались в республиканство. Монархия, как мне видится, будет не абсолютной, а конституционной, с парламентом... Похоже, они возьмут часть от британской системы, часть от прусской, как у моего дяди Вильгельма. Консервативное начало у этих конфедератов оказалось сильнее. Я рад. И обещают они много.

– Слишком много, ваше величество.

– И выполняют! – сверкнул глазами Александр. – Милютин и всё военное министерство оценили как винтовки системы «спенсер», так и эти новомодные пулемёты. Про золото Аляски не забывайте! Много золота, что важно из-за трат на перевооружение армии и проводимых мною реформ. Оказалось, что на Аляске есть не только пушнина. А кто-то, не хочу лишний раз вспоминать, предлагал избавиться от «ненужных земель за океаном». Мой отец, узнав про такое, про продажу земель с золотом, в лучшем случае выслал бы затейника в Сибирь... Нет, сразу на Камчатку! Вы же, Александр Михайлович, изволите про «слишком много обещает» говорить.

Министр почувствовал, что разговор пошёл несколько не в те стороны. И зная вспыльчивый характер самодержца, понял, что надо срочно отступить. Сдать часть позиций, но закрепиться на другой, более важной.

– Я не говорил, что надо отвергать предложение. Напротив, его следует принять, но с оговорками. Вашему величеству лучше заранее понимать, чего на самом деле хотят от нас Борегар со Станичем.

– Борегар хочет увенчать свою голову короной, примеры Наполеона и его родичей и прочих маршалов не дают покоя этому французу. Кроме короны желает получить нашу с Испанией поддержку. Королеве Изабелле отплатит отменой доктрины Монро, нам обещает поддержку в денонсации Парижского трактата. Гнева Англии в КША не опасаются, слишком далеко, а от Канады они отделены. Французский император воздержится от возмущений, ибо нуждается в помощи Конфедерации до тех пор, пока дела в Мексике не закончатся однозначной победой коалиции и гибелью либо изгнанием Хуареса.

– Вы верно описали общую картину, ваше величество. Как раз ту, которая и должна была появиться у вас после знакомства с докладом посла в Конфедерации.

– Мной упущено что-то важное? Тогда как мой министр вы должны сказать об этом. Я жду, вице-канцлер.

Горчаков, мысленно перекрестившись и обратившись к богу за помощью, решил рискнуть, выложив часть козырных карт:

– У Конфедерации появился политик, весьма необычный. И понять его игру мне не сразу удалось.

– Вы о Борегаре?

– Конечно нет! Борегар – это будущий монарх, любимый армией полководец и неглупый человек. Политик – это полковник Виктор Станич. Хотите говорить с тем, кто управляет – обращаться нужно к нему. Он хочет... стать тем, кем планирует оказаться знакомый вам Бисмарк, при этом не выходя из тени. Тайная полиция – это самый подходящий для него выбор. Власть, но не явная.

Говоря это, Горчаков понимал, что идея о превращении Конфедерации в монархию настолько пришлась по душе императору, что его не переубедишь. Вообще никак. Оставалось играть на нюансах, не давая возможности заокеанскому интригану получить от России всё желаемое.

– Обратите внимание, что Станич обратился только к нам и к Испании. Не к Британии, от которой он всеми силами дистанцируется, словно они не близки к

очень многим семействам южных штатов. Вежливые, холодные, исключительно деловые отношения. С самого начала, я намеренно просил Штакельберга это проверить. Его люди подтвердили мои подозрения.

– Для нас это хорошо, – усмехнулся Александр II. – Возможно, сказывается его происхождение. Дед Виктора Станича выехал отсюда, опасаясь мести родственников, убитых им на дуэли. Серб... горячая кровь. Могли сохраниться симпатии, если дети воспитывались в русском духе.

– Могли, я не исключаю, – не стал противоречить императору вице-канцлер. – И как противовес устремлениям Англии в обеих Америках Станич может быть полезен. Но он почти столь же явно отстраняется от возможности завязать тесные отношения с Францией. Мимо этого тоже нельзя пройти.

– И снова Франция! Александр Михайлович, я понимаю ваши симпатии к этой стране, но далеко не все их разделяют. Видимо, полковник Станич тоже не восторгается видами на парижские бульвары. А почему он всё ещё полковник? Заслуги давно позволяют получить звание генерала.

– Видимо, чин для него не так важен, как настоящее влияние, – не стал акцентировать своё внимание на подобной мелочи Горчаков. И вновь принялся за своё, считаемое им наиболее важным: – Полная отстраненность от Англии. Незначительная, на грани необходимого, связь с Францией. Понимаю отсутствие внимания к Австрии, это государство ничем не может быть полезно Конфедерации. И с другой стороны, большая и понятная заинтересованность в Испании соседствует с непонятной, если не вникать, заинтересованностью в России.

Вице-канцлер готов был продолжать, ожидая любого знака со стороны Александра Николаевича, но вместе с тем отслеживал все движения монаршей особы, даже самые незначительные. Слишком хорошо он знал императора, что не раз помогало. Сейчас это самое изучение князя не радовало. Император становился веселее с каждой минутой, с каждой его, Горчакова, фразой. Монаршую особу совершенно не трогали намёки про Францию, он даже готов был немного иронизировать над симпатиями своего министра.

Не развивать тему милой его сердцу Франции? Горчаков не мог пойти на такое, разве что над ним нависла бы угроза опалы со стороны императора. Дело в том,

что слишком давно, упорно, опираясь как на российских франкофилов, так и на немалую часть французской элиты, он всеми силами пытался затянуть Россию в союз с Францией. Именно в этой стране князь видел лучшее, по его убеждению, государственное устройство, на которое падал отсвет правления, приближенного к республиканскому. Вот только тех рек крови, которые пролились во время Французской революции, и большей частью уничтоженной физически аристократии видеть просто не желал. Или видел, но отбрасывал в сторону, как нечто вторичное. Почему так? Сразу вспоминалась связь князя с декабристами, ни для кого тайной не являющаяся, в последнее время и вовсе выставленная князем напоказ. Крепости этой связи во время провалившегося бунта было недостаточно для того, чтобы быть причисленным к их движению, но определённый след с явственным ароматом либерализма тянулся ещё с тех самых пор. Потому предыдущий император, Николай Павлович, не благоволил Горчакову, обоснованно видя в нём возможный источник угрозы консервативной политике империи.

И уж тем более покойный Николай ни в коем случае не мыслил даже в теории рассматривать союз с одной из тех стран, которые продиктовали унижительные для империи условия мира на Парижском конгрессе. От Франции, которую Россия показательно выпорола во время Наполеона, и с которой сроду не было нормальных отношений. Испокон веков не было! Именно Франция была исконным и непрерывным союзником Османской империи в её вечных попытках укунить могучего северного соседа. Франция всеми возможными способами пакостила России, своему союзнику в Семилетней войне. Правда, в этом случае наравне с Австрией, но снимало ли это саму проблему нежелательности союза с государством, готовым предать сразу же, как только минует острая надобность в могучем северном союзнике?

А император Александр II временами бывал податлив, чем вице-канцлер беззастенчиво пользовался, проталкивая интересы Франции взамен государственных. Причём были они созвучны с нуждами России или нет – дело вторичное.

– Я вижу лишь выгоду моей империи от союза с Конфедерацией. Новое оружие, золото Аляски и новой земли, купленной у компании Гудзонова залива. Возможность показать, что мы давно оправились от проблем Крымской войны и вновь играем главную роль в «Европейском концерте». Обратите внимание, князь, не Францию с Англией позвали в качестве посредников представители побеждающей в войне стороны. Позвали нас! Ну, и Испанию тоже... Виктория,

должно быть, распекает своего Пальмерстона, а Наполеон III, как только узнает, будет орать на своих министров, морщась от болей в почках.

– Нас затягивают в новый сверхконсервативный союз, ваше величество, – поморщившись от очередного нелестного упоминания о французском императоре, вымолвил Горчаков. – Если Бисмарк выстоит в противостоянии с парламентом и построит Пруссию по старым юнкерским замашкам на новый лад, то... Этот Станич и вашего дядю позовёт в новый «Священный союз монархов». Возглавляемая им тайная полиция уже вешает на столбах североамериканских аболиционистов, борющихся за права негров.

– Их негры, пусть сами с ними разбираются, – отмахнулся император, которого проблемы негров явно не волновали. – А окоротить разных гарибальди нужно. Последние месяцы я начинаю беспокоиться о польских губерниях... там становится неспокойно.

– Этот союз, которого ещё нет, но который может появиться в ближайшие пару лет, он способен поссорить Россию с некоторыми важными для нас государствами. Если мы не...

Тут Горчаков сдулся, словно воздушный шар, лишённый притока горячего воздуха. Император хоть и изображал внимание, но его мысли были где-то в стороне от произносимого сейчас вице-канцлером. Это значило, что надо было очень аккуратно и осторожно переходить от критики Борегара со Станичем к отмечанию их полезности. Несмотря на то что делать это князю ох как не хотелось. А иного выбора не было, Александр Михайлович чётко уловил монаршую волю, идти против которой напрямую он не собирался, понимая возможные последствия. Изображать тяжкую болезнь или с печальным лицом обращаться с просьбой об отставке? Иногда это могло сработать, но чутьё подсказывало старому, умудрённому дипломату, что на сей раз отставку могут и принять. И что тогда?

Впрочем, отчаиваться Горчаков не собирался. Если не вышло сразу убедить монаршую особу в пагубности ставки на консерватизм, то придётся идти обходными путями. В империи, слава богу, хватало тех, кто разделял стремление вице-канцлера к тесному союзу с Францией. А память о Крымской войне... Всё проходит, да к тому же иногда нужно идти на жертвы. Например, есть давний знакомец Бисмарк, который вполне способен через несколько лет восстановить военные мускулы Пруссии до такой степени, чтобы эта страна

стала угрозой не только для Австрии Франца-Иосифа, но и для наполеоновской Франции.

Зачем это нужно было князю? С единственной целью – подтолкнуть Францию к союзу с Россией перед лицом прусской угрозы. А что она, то есть угроза, возникнет, в этом не стоило сомневаться. Рейнские земли и Эльзас с Лотарингией – это то, что не могло не стать целью для усилившейся Пруссии, тем более под руководством такого подающего надежды политика, как Отто фон Бисмарк. Не зря же он взял его под крыло и давал очень полезные в мире большой политики уроки. Инструмент готовят заранее, причём не один год. Только тогда можно достигнуть желаемого. Ах да, ещё нужно уметь ждать своего часа.

Именно это Горчаков и делал – готовился сам, готовил других и ждал. И всё у него получалось... до недавних пор. Потому как заранее предсказать подобный поворот событий в гражданской войне за океаном не мог, пожалуй, никто. По всем прогнозам, при отсутствии явного вмешательства других стран, должны были победить сторонники президента Линкольна. Хотя бы потому, что имелись куда большие людские ресурсы. Поддержка флота, имеющаяся на Севере промышленность и политическая поддержка либеральных кругов Европы. А вышло совсем не так, как ожидалось. Вместо торжества идей республики, либерализма и равенства налицо готовый вот-вот состояться триумф ультраконсерватизма и даже не реставрации – это было бы хотя бы понятно – а возникновения монархии в колыбели демократии. На этом фоне и мексиканская авантюра Франции с Испанией уже не казалась таковой. Происходящее за океаном откровенно тревожило вице-канцлера, заставляя готовить ответные меры. И кое-что он уже придумал. Для этого на предстоящем конгрессе следовало появиться ему лично, не доверяя столь важное дело никому из помощников.

Интерлюдия

КША, штат Виргиния, Хэмптонский рейд,

конец июля 1862 года

Когда почти все карты биты, сложно удержаться от соблазна выложить на стол последний козырь. Вот янки и попытались разыграть последнюю карту, которая

хотя бы выглядела прилично. Флот! Не абы какой, а с использованием новейшего типа кораблей – броненосцев, коих к этому моменту успели построить всего три штуки. Или целых три – это ещё с какой стороны посмотреть! Пусть они и были пригодны лишь к плаванию около берегов, но ведь и океан пересекать им совершенно не требовалось. Противник рядом, не по ту сторону Атлантики.

«Монитор» и построенные по аналогичному проекту «Пассаик» и «Роанок». Последний был перестроен из одноимённого фрегата, отличался большими габаритами, но имел довольно большое количество недостатков, как выяснилось несколько позже. К трём новинкам стоило прибавить десять винтовых фрегатов и шесть канонерских лодок. По тому времени – весьма нехилая по мощи эскадра! Янки действительно могли рассчитывать на успешные действия. Могли и рассчитывали!

Правды ради, следовало заметить, что для отправки в море такой эскадры они собрали в кулак все самые мощные корабли. Как остававшиеся после битвы при Порт-Ройале, так и достроенные после неё. К ним добавились купленные в Британии суда. Мелочь вроде шлюпов в состав эскадры было решено не включать, ограничившись теми самыми канонерками как кораблями весьма специфическими, идеально подходящими для бомбардировки берега.

Рассчитывало командование флота исключительно на победу, но то ли не приняли во внимание, то ли недооценили тот факт, что военно-морской министр Стивен Мэллори уделял очень большое внимание постройке именно броненосцев. Хороших таких броненосцев, причём имел для этого куда больше возможностей, чем в прошлой исторической линии. Здесь ему вовсе не приходилось думать о том, где достать машины для броненосцев и как бы ухитриться найти нормальную броню в пристойных количествах. Плюс к его услугам были мощности имеющихся в Конфедерации верфей, не загруженных попытками на скорую руку переделать торговые корабли в хреноватого качества канонерские лодки.

Знали ли янки о том, что у Конфедерации тоже имелись броненосцы? Бесспорно. Но решили рискнуть, собрав в кулак все три броненосца и корабли сопровождения. Зачем? Показать собственному народу, новоприобретённым союзникам и просто всему миру, что силы для продолжения войны ещё имеются. На море тем более. И в качестве первой цели был выбран Портсмут. Точнее, не сам город, а ориентированная на строительство военных кораблей верфь,

изрядно к тому же разросшаяся за последние полтора года, ставшая крупнейшей верфью Конфедерации.

Командующим Северной эскадрой янки был назначен контр-адмирал Луис Голдсборо, а броненосным отрядом руководил кэптен Джон Марстон. Опытные командиры, знающие своё дело и абсолютно верные идеям северян. Основная задача, которую поставил лично Линкольн перед контр-адмиралом, была проста, как мычание – бомбардировкой с моря привести в неработоспособное состояние портсмутскую верфь, одновременно уничтожив все вражеские суда, которые будут обнаружены. При этом командующий эскадрой был предупреждён, что ради выполнения цели эскадра может понести даже очень тяжёлые потери. Равно как и о том, что броненосцы – «Монитор», «Пассаик» и «Роанок» – представляют наибольшую ценность. Впрочем, это и так было известно любому человеку, имеющему отношение к флоту или... к финансам, которые выделялись на строительство этих самых броненосцев.

План атаки был заранее разработан, но как раз по причине предварительной подготовки нельзя было отбросить важную проблему. Как правило, на Хэмптонском рейде находился как минимум один броненосец конфедератов. Остальные же очень быстро могли подтянуться, разведя пары и выйдя из гавани. Министр Мэллори здраво рассудил, что столь важную верфь, как Портсмутская, надобно защищать серьёзными силами. А что может быть серьёзнее новейших кораблей? Ну, разве что когда к этим новейшим кораблям добавляются мощные форты и некоторое количество судов старого образца.

Впрочем, обвинить Голдсборо и Марстона в тупоумии не осмеливались даже их явные недоброжелатели. Нападение на Портсмут решили приурочить к тому моменту, когда оборонять город, порт и верфи будут лишь броненосцы конфедератов с минимальным количеством иных кораблей. Откуда должен был взяться такой момент? Проводка торговых караванов, которую необходимо было осуществлять. Разумеется, суда Конфедерации не сопровождали торговые корабли на всём пути, но начальный – и завершающий в обратном направлении – участки пути таки конвоировали. Во избежание нежелательных в океане случайностей, под которыми подразумевались корабли флота США, рыскавшие в поисках торговых судов, идущих в Конфедерацию или отплывающих оттуда в Европу.

Разведка у янки сработала неплохо. Голдсборо, получив информацию, сумел подгадать момент и нагрязнул как раз тогда, когда помимо броненосцев у

причалов имелись лишь три канонерки и винтовой фрегат. По мнению контр-адмирала, преимущества в небронированных кораблях должно было с избытком хватить для того, чтобы потопить или серьёзно повредить все броненосцы конфедератов, не говоря уже о других судах. Оставшиеся же форты... Зря, что ли, канонерки с собой прихватили?

А вот адмирал Джосайя Тэтнелл, уже показавший себя в сражении при Порт-Ройале, считал иначе. Причём имел для этого все основания. Он хорошо запомнил проводившийся на испытательном полигоне обстрел установленных на броненосцах броневых плит из орудий, которые были установлены на фрегатах и канонерках янки. Эти пробные стрельбы многое показали. Например, практически полную непробиваемость брони из орудий не совсем уж монструозного калибра. Да и калибр свыше двухсот миллиметров был опасен лишь в том случае, если выстрелы производились бронебойными снарядами и не с дальней дистанции. Но некоторые сомнения у Тэтнелла оставались. До тех пор, пока одна из канонерок специально не начала обстрел «Акулы» с целью провести окончательную «пробу пера в боевых условиях», как изволил выразиться имеющий крайне яркую и вместе с тем мрачную репутацию полковник Станич.

«Проба пера» удалась. Добровольцы, находящиеся в момент стрельбы внутри «Акулы», засвидетельствовали лишь очень неприятные ощущения, когда бомбы и обычные снаряды ударяли в броню и рвались на ней. Разумеется, было произведено лишь несколько выстрелов, но и этого было достаточно, чтобы убедиться в принципиально новых защитных качествах броненосных судов. И в практически полной беззащитности перед ними кораблей старого образца. Именно поэтому адмиралу Тэтнеллу было настоятельно рекомендовано при выборе между вражескими броненосцами и кораблями старых типов атаковать именно последние. А при стрельбе по броненосцам янки стараться бить ещё и по трубам с целью снизить им ход. К советам же Станича стоило прислушаться, события не столь далёкого прошлого успели это подтвердить.

Как бы то ни было, в десять часов утра двадцать девятого июля на Хэмптонском рейде появились первые корабли Северной эскадры янки. Находившиеся на боевой вахте «Чарльстон» и канлодка «Злобный» не могли не заметить приближение вражеской эскадры и, что было логичным в их положении, не собирались принимать неравный бой, предпочтя оттянуться назад. Сигнал тревоги был подан незамедлительно, побуждая оставшиеся три броненосца развести пары и идти навстречу незваным гостям.

Фрегату и канонеркам адмирал Тэтнелл, державший свой флаг на «Булл-Ране», приказал находиться в арьергарде, ни в коем случае не подставляясь под огонь броненосцев северян. Видевшим результаты пробных стрельб было ясно, что нанести сколь-либо серьёзный урон приземистым бронированным монстрам обычные корабли не в состоянии. Зато подставиться под огонь их огромного калибра пушек означало подвергнуть лишённые брони корабли почти стопроцентному риску утопления или выведения из строя.

Джосайя Тэтнелл был очень доволен теми сведениями, которые удалось получить благодаря откровенной продажности кое-кого из янки, имевших отношение к строительству броненосцев. Древнейшие человеческие пороки позволили разведке Конфедерации получить данные о том, какими именно орудиями вооружены броненосцы янки. И если «Монитор» и «Пассаик» имели всего по одной двухорудийной башне, то «Роанок»... О, на нём этих самых башен было три. Три двухорудийных, мать их так, башни! Правда, по примеру «Пассаика», каждая башня несла орудие совсем большого калибра и оружие поменьше. На «Мониторе» с «Пассаиком» все орудия были гладкоствольными плюс дульнозарядными, зато «Роанок» и тут выделился. В каждой его башне монструозный гладкоствол системы Дальгрена соседствовал с нарезным «парротом» меньших габаритов. Считалось, что таким образом низкий темп стрельбы «дальгренов» будет частично компенсирован «парротами». Была ли тут логика? Тэтнелл, равно как и командиры броненосцев, не знали, да и гадать не собирались. Им было достаточно того, что вооружение вражеских кораблей не являлось тайной, это давало некоторое преимущество. По крайней мере, на это всерьёз надеялись.

Два типа кораблей, две концепции. Ведь «Монитор» и «Пассаик» представляли собой тип малого броненосца с единственной орудийной башней, зато обладали – по крайней мере, по первому впечатлению – высокой маневренностью. Зато «Роанок», основой для которого послужил одноимённый фрегат, явно был рассчитан не на маневренный бой, а на продавливание вражеской обороны огнём трёх своих башен. Две концепции, и ни одна из них пока не доказала свое преимущество. Равно как и третья – та, которая использовалась при постройке броненосцев Конфедерации. Даже «Акула», являющаяся прототипом, не отличалась маневренностью, зато все четыре броненосца под флагом Тэтнелла обладали более высокой, в сравнении с броненосцами янки, скоростью, и изначально рассчитывались на мощь залпа. Вопрос был лишь в необходимости совмещения башенных и казематных орудий. И в готовом начаться сражении это прояснится.

– Янки не собираются атаковать только броненосцами, – произнес находящийся в рубке «Булл-Рана» Тэтнелл, обращаясь к командиру броненосца, кэптену Фрэнклину Бьюкенену, с которым они сражались ещё при Порт-Ройале. – Думают, что их фрегаты могут угрожать нам.

– Ошибкой надо воспользоваться!

Кэптен жаждал скорейшего начала сражения. Его воинственность и откровенная задиристость и были причиной того, что именно Бьюкенена Тэтнелл порекомендовал назначить командиром флагманского броненосца. Просьбу уважили, благо репутация у боевого морского офицера к этому моменту уже имела, равно как и опыт военных действий на море. Так контр-адмирал получил себе и давнего знакомого, и действительно достойного командира, с которым у него всё было ровно и гладко. Хотя и на остальных трёх кораблях броненосного отряда командиры были под стать. «Акулой» командовал Кейтсби Роджер Джонс, назначенный уже потому, что он руководил большей частью работ во время постройки первого из броненосцев и идеально знал корабль и его возможности.

«Чарльстоном» командовал командер Рафаэль Сэммс, известный во флоте сорвиголова и любитель действий на грани и даже порой за гранью допустимого риска. Недаром в битве при Порт-Ройале он до последнего продолжал вести огонь из единственного уцелевшего орудия своей канонерки, напрочь игнорируя приказы выброситься на берег ради сохранения корабля. Подчинился лишь тогда, когда и впрямь затопление трюмов стало критическим.

Что же касательно последнего корабля отряда, «Фолсома», лишь самую малость уступавшего флагману, то на него поставили командера Джеймса Кука – офицера, склонного грамотно и чётко выполнять приказы, проявляя инициативу лишь в крайнем случае. Контр-адмирал Тэтнелл рассудил, что авантюрист абсолютный – то есть Рафаэль Сэммс – и честолюбивый, относительно юный офицер, также склонный к риску – лейтенант Кейтсби Роджер Джонс – пусть командуют малыми и более маневренными кораблями. А вот «Фолсом» с его повышенной мощностью залпа пусть лучше окажется под управлением более предсказуемого офицера. В случае необходимости риска, командеру Куку и приказ отдать можно будет. Он его обязательно выполнит, без сомнений и колебаний.

И вот прогремел первый залп – один из фрегатов северян явно что-то напутал, разрядив пару своих орудий задолго до того, как выпущенные из них снаряды могли попасть хоть куда-то, помимо водной глади. Эти выстрелы можно было считать началом сражения, разворачивающегося на Хэмптонском рейде. Первого сражения, где сцепятся между собой новые, защищённые бронёй и отягощённые ею же корабли.

* * *

Как только прозвучали те самые, знаменующие начало сражения выстрелы, Джосайя Тэтнелл, имеющий довольно полное представление о возможностях своих кораблей, отдал приказ всем броненосцам увеличить скорость и атаковать фрегаты с канонерками, предварительно распределив цели. При этом стараться не сблизиться с броненосцами янки. Причиной тому дальняя дистанция, при которой даже попадание в броню не несло никаких серьёзных последствий, помимо гула в голове у экипажа. Что до стрельбы по небронированным кораблям противника, командиры уже были проинструктированы – целиться следовало по уровню ватерлинии, с целью сделать много-много крупных дырок. От этого, как было замечено ещё в давние времена, корабли очень быстро делают большой бульк в направлении на дно морское. Или океанское... да хоть речное, невелика разница.

Подобный маневр поначалу вызвал недоумение у янки, но при этом оно было замешано на искренней радости. Броненосцы конфедератов приближались, но при этом не вели огонь по противнику! Совсем не вели! Зато по ним стреляли от души. Вот только результат этой самой стрельбы был печален для северян. Попадания ядер броненосцы переносили более чем достойно – те просто отскакивали от броневых поясов и тем более от башенной брони – бомбы же рвались на броне, не принося и вовсе никакого урона. Даже вмятин не оставляли.

До поры янки было весело. Зато как только четыре броненосца Конфедерации сблизилась с выбранными ими целями – по одной на два броненосца, – игра в одни ворота закончилась. «Акула» и «Булл-Ран» принялись за фрегат «Миннесота», а «Чарльстон» с «Фолсомом» обратили пристальное внимание на «Конгресс». При этом большие броненосцы дали первый залп из трёх казематных орудий одного борта, после чего начали разворот, чтобы ввести и орудия другого. Да и во время этого самого разворота молчания не

наблюдалось. Башни поворачивались, ожидая лишь благоприятного момента для открытия огня. А чисто башенные «Акула» с «Чарльстоном» стреляли по готовности и по необходимости.

Малая дистанция, высокий темп стрельбы из казнозарядных нарезных «армстронгов» плюс сдвоенный огонь по одной цели – неудивительно, что очень скоро напоминающий ниже ватерлинии решето «Конгресс» заваливался набок, а «Миннесота» отчаянно пыталась выйти из боя, дымя разгорающимися на её борту пожарами. Канонерка же «Онтарио», опрометчиво сунувшаяся слишком близко к «Чарльстону», сподобилась познакомиться с ещё одним оружием броненосца – массивным кованым тараном. Печальную жирную точку в короткой биографии канонерки поставил кованый зуб тарана, пропоровший ей правый борт. Собственно, канонерка ушла под воду менее чем через минуту после того, как «Чарльстон», высвободившись после таранного удара, отвалил в сторону.

Пущенная на дно канонерка, один тонущий и один из последних сил держащийся на поверхности фрегат – завязка боя складывалась явно не в пользу Северной эскадры. Совсем не в пользу северян, так как результативность стрельбы с их стороны была близка к нулевой. Вмятины на броневых плитах – это всё, чем пока они могли похвастаться. Броненосцы наглядно продемонстрировали, что на дальних и средних дистанциях корабли подобного типа практически неуязвимы для орудий не слишком великого калибра. Близкая дистанция даёт возможность хотя бы вмятины на броне оставлять в надежде на то, что некоторое количество попаданий в одну плиту даст желаемый результат. А подойти к ним вплотную – это надо ещё постараться. Ведь в скорости эти приземистые стальные уродцы совершенно не уступали паровым фрегатам, а то и превосходили их. Надежда Северной эскадры контр-адмирала Голдсборо была лишь на однотипные корабли эскадры, то есть на броненосцы «Монитор», «Пассаик» и «Роанок».

Понимали ли это контр-адмирал Луис Голдсборо и кэптен Джон Марстон? Безусловно. Именно поэтому и предприняли маневр, который должен был одновременно и связать броненосцы конфедератов боем с равно защищённым противником, и в то же время дать их эскадре возможность выполнить поставленную задачу, то есть уничтожить верфи Портсмута. Сделано это было не без изящества. Голдсборо, державший флаг на фрегате «Вашингтон», просигналил броненосцам эскадры, и те, нагло и показательно, стали выходить из боя, чтобы двинуться в направлении Портсмута, оставляя на растерзание конфедератам лишённые брони корабли. Дескать, кушайте испугительную

жертву, а мы тем временем займёмся тем, ради чего сюда и пришли. Ну, а потом, когда закончим дела, к вам вернёмся. Надеюсь на то, что орудия фрегатов и канонерок хоть немного убавят вам боеспособности.

Циничный, но очень грамотный расчёт, который по любому должен был принести преимущество Северной эскадре янки. Как в случае если бы броненосцы конфедератов проигнорировали уход трёх наиболее опасных противников, так и в случае если бы бросились за ними, тем самым поневоле оставляя без пристального внимания фрегаты с канонерками. Классический розыгрыш численного преимущества.

Джосайя Тэтнелл сразу понял суть предпринятого противником маневра. А увидев, сделал то единственное, что было верным ходом – разделил отряд броненосцев на две части. Малые броненосцы, то есть «Акула» и «Чарльстон», были оставлены разбираться с фрегатами. Ведущим был назначен командер Сэммс, как более приспособленный к таким вот рискованным авантюрам. Ну, а сам он на «Булл-Ране» в сопровождении «Фолсома» рванул на перехват броненосцев янки. Хорошо хоть, скорость немного превосходила вражескую.

Более высокая скорость «Булл-Рана» с «Фолсомом», превосходство в числе орудий – эти два фактора заставили броненосцы кэптана Джона Марстона очень серьёзно отнестись к надвигающейся на них угрозе. И использовать оба аспекта, которые могли помочь: более высокую маневренность и использование тактических схем «три на два» в свою пользу. Не самые сильные карты, но только их имело смысл разыгрывать в этом секторе разгорающегося сражения на Хэмптонском рейде.

Зато другой сектор... Луис Голдсборо понимал, что его броненосцы будут полностью поглощены битвой с такими же бронированными противниками, и им уж точно станет не до портсмутских верфей. А вот у фрегатов с канонерками шанс добраться до них оставался. Они могли добраться туда и хотя бы попытаться устроить большие проблемы, пусть и с двумя малыми броненосцами южан на хвосте. О полной победе речь уже не шла, а вот выполнить поставленную командованием задачу эскадра пока могла.

Решение было принято. Два броненосца северян просто физически не способны быстро разделаться с противостоящими им уже восемью фрегатами и пятью канонерками. Да, восемью, потому как «Миннесота» заботилась исключительно о собственном выживании, борясь не с врагом, а с пробоинами и пожарами.

Вот потому адмирал Голдсборо, находящийся на флагманском фрегате «Вашингтон», и отдал приказ всей небронированной части эскадры по возможности прорываться к Портсмуту. Особенно к верфям города. И лишь часть оставшихся сил задействовать на то, чтобы сдержать два броненосца южан – «Акулу» и «Чарльстон». Более десятка кораблей на одной стороне, и лишь два на другой – это многое значило.

Только не стоило скидывать со счетов и Рафаэля Сэммса, авантюрного склада характера, он готов был из кожи вон вылезти, лишь бы погромче о себе заявить. Пользуясь уже проверенной методикой таранного удара, равно как немалой скоростью и больше маневренностью – в сравнении с крупными фрегатами – своего «Чарльстона», он выбрал для себя очередную жертву. В этот раз ею оказался тот самый флагманский фрегат под флагом Луиса Голдсборо. Сэммс мыслил хоть и авантюрно, но вполне логично. Самая лакомая цель – вражеский командующий. Потопи или повреди до невозможности продолжать бой корабль, на котором тот находится, и как минимум поубавишь боевого духа остальным. Лишить эскадру командования – тоже весьма неплохо. И почётно для сумевшего это сделать.

«Акула» сейчас служила в качестве прикрытия, огнём из двух своих башен частично распугивая пытающиеся помешать «Чарльстону» корабли янки. Сам же Сэммс отдал приказ комендорам своего корабля стрелять исключительно по «Вашингтону», напрочь игнорируя другие корабли. Учитывая, что «армстронги» стреляли в более высоком темпе, то мало фрегату точно не казалось. В машинном отделении кочегары выжимали из машин всё, что те могли выдать, работая на пределе. Что тут сказать, Сэммс умел заразить жаждой боя всех, от старшего офицера до самого последнего матроса. За то и был ценен как министром Мэллори, так и контр-адмиралом Тэтнеллом.

Расстояние между броненосцем и флагманским фрегатом северян становилось меньше, ещё меньше... И плевать, что пара плит броневое пояса уже были покорёжены, а одна из двух труб, пусть и защищённая броневыми листами, повреждена осколками. Немного уменьшившийся ход не был способен серьёзно на что-либо повлиять. Теперь команде «Вашингтона» оставалось лишь молиться, чтобы получился маневр уклонения от вознамерившегося учинить уже второй за день таран «Чарльстона».

Помогают ли в сражении молитвы? Вопрос крайне спорный. Впрочем, как и результат таранного удара, всё же нанесённого «Чарльстоном» по чуть было не уклонившемуся от него фрегату. Броненосец ухитрился тараном вспороть корму «Вашингтона», заодно подчистую снеся последнему винт, но и таран, уже подвергшийся испытанию, не выдержал и банально обломился. Итогом стал лишившийся хода фрегат у янки и сломанный таран вкуче с разошедшимися броневыми листами на носу «Чарльстона». Лёгкая течь в трюме броненосца, также имевшая место быть, малость остудила даже авантюрную натуру Сэммса, признавшего, что таранных ударов на сегодня точно хватит.

Замешательство командиров кораблей Северной эскадры, вызванное проблемами у флагмана, закончилось, так толком и не начавшись. И всё из-за сигналов, которые появились на мачтах «Вашингтона». Адмирал Голдсборо приказывал не обращать внимания на проблемы у его корабля и выполнять поставленную задачу. Во что бы то ни стало, невзирая ни на какие жертвы.

Самопожертвование. Подобное нельзя было не оценить как друзьям, так и врагам адмирала. Он сознательно был готов принести себя в жертву, но дать возможность другим выполнить поставленную перед эскадрой задачу.

Добивать «Вашингтон», лишённый хода и хлебающий кормой воду, как пьяница дешёвое виски? Сэммс не собирался поддаваться азарту, видя, что остальные фрегаты и канонерки, исполняя приказ командующего, продолжают прерванное было движение к Портсмуту. Надеяться, что их смогут остановить фрегат, три канонерки и береговые батареи... Сказки только детям на ночь читать, а никак не ему, командеру с большим опытом.

Исключительно из-за понимания командером Сэммсом общего рисунка боя «Фашингтон» был оставлен в компанию «Миннесоте» – бороться за остатки плавучести и ждать, как сложится судьба сражения в целом. «Чарльстон» же, заметно снизивший скорость, теперь двигался даже чуть медленнее «Акулы», но направился следом за пытающимися оторваться кораблями янки. Хотя отрываться могли лишь фрегаты, но никак не канонерки, у которых скорость никогда не была сильной стороной. Они были по большей части платформами для орудий, только и всего. Вот и получали от щедрот сразу двух броненосцев, которые старались не столько потопить, сколько повредить, заставить сбавить ход до совсем уж неприличного минимума. А ответные залпы... Броненосцы уже успели показать слабую уязвимость огню с дальней и средней дистанций. Сближаться же по собственной инициативе, давая северянам шанс, они не

желали.

Маневрирующая, грохочущая орудийными залпами стая кораблей постепенно смещалась в сторону Портсмута. Как раз туда, где на их пути должны были оказаться фрегат и три канонерки конфедератов. Они не могли рассчитывать остановить превосходящего числом и равного по боеспособности противника, но хоть немного задержать – это уж совсем другое дело. А уж когда подойдут два броненосца, да при поддержке береговых батарей и фортов... Шансы на то, чтобы не просто нанести серьезный урон северянам, но и не допустить повреждений верфей, были велики.

Пока эти части эскадр разыгрывали довольно запутанную шахматную партию, оставшиеся броненосцы уже успели сцепиться в жестоком бою на короткой дистанции. Под командованием лейтенантов Даны Грина и Джона Уордена «Монитор» и «Пассаик» кружились близ «Булл-Рана» и «Фолсома», пытаясь использовать свою маневренность, чтобы и попаданий избежать, и в то же время держать броненосцы южан под обстрелом. Более массивный и неповоротливый «Роанок» решил выступить главной артиллерийской силой броненосного отряда. Все три его башни вели огонь по флагману конфедератов, «Булл-Рану». Концентрацией огня на одном из двух вражеских кораблей кэптен Марстон пытался компенсировать недостаток орудий своего броненосного отряда. Как-никак десять орудий у него против двадцати у противника. Впрочем, бортовые казематные орудия южан на то и были казематными, что для стрельбы другим бортом требовалось развернуть корабль, а на это по любому требовалось время. Сей нюанс немного, но снижал их преимущество.

Джон Марстон очень досадовал по поводу того, что в Вашингтоне слишком поздно спохватились насчёт необходимости строить собственные броненосцы. Считали, что достаточно и простых кораблей, которые могут подавить новинки южан числом. Вот и результат. Для того чтобы справиться с броненосцем, его нужно было обстреливать очень долго, очень упорно и при этом опять же без уверенности в успехе. Только броня могла противостоять броне. И сейчас на трёх его кораблях лежала большая ответственность. Беда подкралась с неожиданной стороны. «Роанок» начинал вести себя... не слишком-то хорошо.

Ещё на испытаниях вскрылись существенные недостатки проекта. Поскольку его киль был килем обычного деревянного фрегата, то под действием огромной массы брони уже оказался не слишком подкреплён. Но это полбеды! При постоянной стрельбе деревянная основа прогибалась, и в трюмы начинала

поступать вода. В последующих броненосцах, которые должны были строиться по схожей схеме, недостатки должны были устранить. Жаль, самому «Роаноку» это не слишком помогало. Был расчёт на то, что много и часто стрелять броненосцу не придётся. Наивный расчёт! В бою, тем более с серьёзным противником, от возможности вести огонь из всех орудий очень многое зависит.

Сегодня команда «Роанока» расплачивалась за огрехи инженеров-судостроителей. А ведь в броненосец ещё и рассчитанные на пробивание брони снаряды конфедератов порой попадали. Одно попадание, особенно удачное, пришлось точно в основание носовой башни. Снаряд проник внутрь буквально на последних каплях приданного ему ускорения, но и этого хватило как для отрыва пары броневых плит, так и для выхода башни из строя. Вроде её и можно было вновь ввести в строй, но не мгновенно. Починка в условиях боя – сомнительное удовольствие. Да и другие снаряды доставили хлопот – отлетели листы брони, повреждение корпуса. «Роаноку» приходилось совсем несладко. По большому счёту его спасало лишь то, что «Монитор» с «Пассаиком» всё же отвлекали на себя значительную часть внимания броненосцев Конфедерации.

«Монитор» и «Пассаик» – эти два корабля тоже успели вкусить от артиллерийских щедрот южан. Пусть их башни работали, и даже полноценных пробитий брони пока не случилось, но у первого броненосца хватало серьёзных прогибов брони, а у второго... То, что оставалось от трубы «Пассаика», способно было вызвать лишь сострадание. А это значило, что скорость броненосца, и так не слишком высокая, снизилась раза в полтора.

Положение броненосцев северян становилось совсем уж критическим, когда случилось то, чего ожидать точно не стоило. Носовая башня «Булл-Рана» словно бы содрогнулась изнутри. Из амбразур выплеснулись языки пламени, затем дыма... левого орудия больше не существовало, торчал лишь покорёженный огрызок. Случилось то, от чего система «армстронг» страдала чаще других систем – разрыв снаряда прямо в стволе.

Джосайя Тэтнелл молился и проклинал силы земные и небесные одновременно. Мало того что носовая башня вышла из строя, так ещё в носовом трюме началась течь. Помпы пока справлялись, но это именно что пока. Бой ведь продолжался, а его броненосец потерял не только весомую часть боевой мощи, но и дым от пожара застилал всё вокруг, мешая целиться оставшимся комендорам. К тому же не стоило забывать и о том, что пожар требовалось потушить как можно скорее. Ибо не дай бог огонь проникнет в расположенный внизу погреб

боеприпасов. Тогда всё, конец!

Зато оставшаяся башня и казематные орудия «Булл-Рана» продолжали работать, избивая «Роанок» до полного неpotребства. Возникло искушение полностью сосредоточить огонь на повреждённом корабле северян, но это было бы неправильным решением. Поблизости крутился и «Монитор», угрожающий один фактом своего существования. Про таранный удар с его стороны также забывать не стоило. Вдобавок орудия Дальгрена, которыми был вооружён «Монитор», несмотря на гладкоствольность, отличались большим калибром... 280-миллиметровые орудия – это по любому серьёзно. А 380-миллиметровки на младшем брате «Монитора», то есть «Пассаике» – это вообще печалило. Плевать, что «Роанок» был частично вооружён такими же орудиями, он был дальше и не столь поворотлив. Зато маневренность этих двух...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/polyakov_vlad/konfederat-rozhdenie-nacii

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)